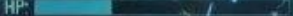
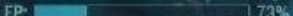

ДЕМИ УРГ

HP:
EP: 73%

LEVEL 1

ACHIEVEMENT:
SYSTEM OVERRIDE

SYSTEM INITIALIZING...
PLAYER DETECTED: [SRITORE]
NEURAL LINK ACTIVE
SCAN COMPLETE - 00:03
-> initialize_instance()

ДО ПОСЛЕДНЕГО УРОВНЯ

ПОКА ТЫ ИЗУЧАЕШЬ ИГРУ —
ИГРА ИЗУЧАЕТ ТЕБЯ

Деми Ург

До последнего уровня

<https://litres.ru/74238009>

Аннотация

В мире Кеплера нет равенства. Есть только три материка, три уровня жизни и одна игра, которая решает, достоин ли ты подняться выше.

Ультима тонет в нищете. Амазия держится за стабильность. Пангея принадлежит элите.

Для миллионов Эйдос — единственный шанс пройти переоценку, доказать свою ценность и получить билет в новую жизнь. Для остальных — красивое название чужого отбора.

Когда Эйдос выбирает Алекса, он понимает: отказаться невозможно. Слишком высока цена. Слишком близко шанс выбраться со дна. Но чем дальше он проходит, тем больше видит странностей: избранные слишком часто исчезают, восстание охотится именно на тех, кого помечает Система, а каждый новый уровень доступа открывает не возможности, а новые вопросы.

Чем выше поднимается Алекс, тем страшнее правда о Кеплере, Эйдосе и тех, кто стоит за отбором.

Здесь нельзя просто прокачаться и победить. Здесь каждый новый уровень может оказаться шагом не к свободе, а к исчезновению.

Мрачный РеалРПГ / ЛитРПГ о мире, где социальный лифт оказался охотой, а право стать избранным — самым опасным статусом из всех.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	53
Глава 5	71
Глава 6	92
Глава 7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Глава 1

Профессор Миртон снова бил в одну точку.

Его сухой, скрипучий голос тянулся под высоким потолком аудитории, цеплялся за облупленные панели стен и оседал на студентах серой пылью, от которой хотелось зевать. За мутным окном висело тяжёлое небо Ультимы — низкое, металлическое, будто весь материк накрыли ржавой крышкой. Вентиляция гудела через раз, старые лампы дрожали, а длинные ряды парт были исцарапаны именами тех, кто сидел здесь до них и, скорее всего, давно уже работал на перерабатывающих линиях или грузовых платформах.

Алекс подпёр щёку кулаком и без особого интереса смотрел на дату, выведенную на центральном экране:

369 год Новой Эры.

Профессор Миртон стоял под ней, как жрец перед алтарём.

— Запомните этот день, — произнёс он с торжественностью, которой не хватало только траурной музыки. — Сегодня исполняется ровно триста шестьдесят девять лет с момента начала новой эры человечества на планете Кеплер. Эры порядка. Эры единства. Эры мира.

По рядам пронеслось вялое шевеление. Кто-то делал вид, что записывает, кто-то спал с открытыми глазами, кто-то листал запрещённую ленту новостей на внутреннем экране на-

ручного браслета, пряча руку под партой.

Миртон поднял палец.

— Триста шестьдесят девять лет назад, в этот самый день, мир лежал в руинах после ядерной катастрофы. Государства, которые веками враждовали между собой, наконец поняли: разобщённость ведёт только к вымиранию. Тогда правители последних уцелевших стран приняли единственно верное решение — объединиться и создать Единую систему управления. Одну структуру. Один порядок. Один закон для всех.

На экране за его спиной возникли архивные кадры: пылающие города, провалы в земле, колонны людей в защитных масках, смазанные лица лидеров, подписывающих какой-то документ над длинным столом.

— С тех пор человечество больше не знало прежних бедствий, — продолжал профессор. — Не стало войн между государствами. Не стало глобального голода. Не стало политического хаоса. Больше ни с кем не нужно конфликтовать, когда все подчиняются единому центру.

Алекс едва заметно усмехнулся.

Этим бредом их кормили с детства.

Один центр. Один порядок. Один закон для всех.

Звучало красиво — до тех пор, пока не вспоминал, что «для всех» в этом мире означало очень разное. Для элиты существовала Пангея — сверкающий материк башен, садов под куполами, чистого воздуха и привилегий. Для среднего класса — Амазия, где люди жили терпимо, без роскоши, в

обмен на лояльность и полезность. Для низших был Ультима — ржавый край фабрик, сырого бетона, тесных общежитий и вечного запаха железа в воздухе. Формально система была единой. На деле мир просто аккуратно рассортировали по ценности.

Алекс давно перестал злиться на это всерьёз. Злость требовала энергии, а на Ультиме энергия была ресурсом не менее редким, чем хорошая вода. Здесь люди не спорили с устройством мира — они приспособливались. Искали подработки, копили кредиты, берегли здоровье, не высовывались.

Его это почти не волновало.

По-настоящему его волновало только одно: полдень.

Ровно в двенадцать корпорация «Абсолют» должна была объявить результаты нового отбора. Ещё одна волна «счастливиц» получит доступ к «Эйдосу» — первой в истории игре полного погружения, о которой уже год говорили все, от школьников до новостных аналитиков. Не виртуальная симуляция со шлемом и тактильными перчатками, не полумерсивная среда, а настоящее, полное отключение от реальности с переносом сознания в искусственно созданный мир.

«Эйдос» не просто игра. «Эйдос» — шанс.

Серверы корпорации не выдерживали всех желающих, и потому доступ выдавали порциями. Ограниченные наборы игроков проходили сложный отбор, а сами сотрудники «Абсолюта» с раздражающей торжественностью называли их «счастливицами». За год это слово успело стать почти

священным.

Потому что слухи подтвердились.

Примерно треть игроков из первых волн показали настолько высокие результаты, что получили статус Избранных. С ними заключали контракты, открывали доступ к закрытым программам корпорации и — самое главное — позволяли переселение на Пангею.

На Пангею.

Одного этого было достаточно, чтобы миллионы людей на Ультиме каждый день проверяли новостные каналы, форумы, слуховые сети и нелегальные сливы в надежде увидеть хоть одно настоящее имя, хоть одно доказательство, что это не рекламная сказка.

Алекс знал: это не сказка.

В соседнем секторе жил парень по имени Рен Кавер. Ещё год назад он таскал ящики на сортировочной станции, ходил в застиранной форме и занимал у соседей кредиты до конца недели. Потом прошёл в первую волну «счастливчиков». Через четыре месяца его лицо показали в официальной трансляции «Абсолюта»: новый контрактник, рекордный прогресс, приглашение в Пангею. С тех пор о нём никто ничего не слышал.

— Эй.

Алекс моргнул и повернул голову.

Эдгар уже смотрел на него, навалившись на парту боком и полностью игнорируя лекцию. Как всегда — слишком живой

для этого места, слишком громкий, слишком уверенный в том, что судьбу можно взять за горло и заставить работать на себя. Его тёмные волосы торчали в разные стороны, ворот рубашки был расстёгнут, а на губах играла нервная ухмылка.

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

— Нет, — честно ответил Алекс.

— Отлично. Значит

ты уже представлял, как будешь смотреть на меня из окна пангейского пентхауса и делать вид, что мы никогда не делили одну парту.

Алекс хмыкнул.

— У тебя слишком дешёвая рубашка для пангейского пентхауса.

— Ничего, — шепнул Эдгар и постучал пальцем по своему браслету. — Через час это станет винтажем.

Он говорил это с таким выражением, будто контракт с «Абсолютом» уже лежал у него в кармане. Алекс знал этот тон. Эдгар включал его всякий раз, когда боялся по-настоящему. Чем сильнее было напряжение, тем шире становилась улыбка.

— Не могу больше ждать, — выдохнул он, подавшись ближе. — Серьёзно, Алекс, у меня с ночи руки трясутся. Я уже три раза проверял личный кабинет, хотя там чёрным по белому написано: результаты в двенадцать ноль-ноль. В двенадцать. Ноль. Ноль. Как будто система передумает, если я обновлю страницу ещё раз.

— Может, передумает из жалости, — сказал Алекс.

— Нам должно повезти.

Эдгар произнёс это уже без улыбки. Тихо. Почти жадно.

— Слышишь? Должно. Мы всё сделали как надо. Тесты прошли, профили чистые, неврология в норме, когнитивный индекс у нас выше среднего по сектору. Если эти из «Абсолюта» реально ищут тех, кто умеет быстро адаптироваться, то мы идеальные кандидаты.

Он на секунду запнулся, потом добавил, глядя прямо перед собой:

— Если пройдем... всё изменится.

Вот тут Алекс ничего не ответил.

Потому что сам думал о том же.

За этот год вокруг «Эйдоса» выросло столько легенд, что половина казалась выдумкой. Но одна вещь оставалась фактом: некоторые действительно поднимались. Не просто зарабатывали рейтинги внутри игры, не просто становились популярны в сети — исчезали с Ультимы совсем. Получали новый уровень допуска, новые документы, новые маршруты, новую жизнь. Корпорация называла это «программой интеграции перспективных игроков в расширенный контур развития». Люди называли проще: билет наверх.

И если верить статистике, просочившейся в сеть, почти треть «счастливчиков» из ранних потоков сумели показать результат достаточно высокий, чтобы стать Избранными.

Треть.

Для Ультимы это число звучало почти неприлично.

Не один из миллиона. Не абстрактная сказка для рекламы.

Каждый третий.

Каждый третий мог вытащить себя из ржавчины, тесных блоков, аварийных лифтов, ночных смен и серого неба, которое висело над материком так низко, будто хотело добить тех, кто ещё держался.

Алекс медленно провёл большим пальцем по краю парты, чувствуя под деревопластиком старые выщербленные царапины.

Если он пройдёт, у него появится шанс.

Не на богатство — об этом он даже не думал.

На выход.

Просто на право больше не жить так, будто весь твой мир заранее подписан чужой рукой.

— Эй, — снова шепнул Эдгар. — Представь только. Пангея. Настоящая. Не через трансляции, не через рекламные ролики. Нормальный воздух. Нормальные дома. Настоящие кампусы, а не эти бетонные коробки. Я читал, у них даже общественный транспорт бесшумный.

— Потрясающе, — сказал Алекс. — Вот ради этого и стоит менять жизнь. Ради тихого поезда.

— Не поезда, а возможности. Не придуривайся.

Эдгар прищурился.

— Ты ведь сам этого хочешь.

Алекс перевёл взгляд на экран, где профессор Миртон

уже вещал о цивилизационной ответственности и беспрецедентной стабильности единого мира.

Хочет ли он?

Да.

Только не так, как Эдгар.

Эдгар мечтал вырваться. Алекс — проверить, есть ли вообще с той стороны что-то настоящее.

Слишком уж гладко всё выглядело. Слишком охотно «Абсолют» говорил о таланте, прогрессе и новых горизонтах. Слишком часто в официальных сюжетах повторялись одинаково счастливые лица людей, которых потом невозможно было найти ни в одной открытой базе. Слишком мало информации было о том, что именно происходит в «Эйдосе» на высоких уровнях.

Те, кто играл, подписывали жёсткое соглашение о неразглашении. Те, кто проваливался, почти ничего не рассказывали — то ли не хотели, то ли не могли. А те, кто становился Избранными, исчезали в идеально отредактированной тишине корпоративных пресс-релизов.

И всё же он подал заявку.

Потому что в мире, где для низших был выделен отдельный материк, даже подозрительный шанс оставался шансом.

— Господа Крейн и Холт, — произнёс профессор Миртон, не повышая голоса, но каким-то образом заставив половину аудитории вздрогнуть. — Возможно, вы поделитесь с группой тем, что кажется вам интереснее исторической лек-

ции?

Эдгар мгновенно выпрямился.

Алекс поднял глаза.

Миртон смотрел прямо на них поверх тонких стекол очков. Лицо у него было вытянутое, почти птичье, а выражение — такое, будто он лично отвечал за сохранность мирового порядка и сейчас поймал двух саботажников.

— Мы обсуждали, профессор, — с безупречно серьёзным видом сказал Эдгар, — насколько глубоко события Великой катастрофы повлияли на стратификацию современного общества.

По аудитории прокатились сдавленные смешки.

Миртон сузил глаза.

— В таком случае, господин Холт, прошу вас встать и объяснить, почему система материкового разграничения стала высшей формой цивилизационного компромисса.

Эдгар медленно поднялся.

На его лице на секунду мелькнула паника, но уже в следующий миг он натянул выражение почти героической сосредоточенности. Алекс опустил голову, чтобы не рассмеяться.

— Потому что... — начал Эдгар и кашлянул. — Потому что разделение функциональных классов по территориальному принципу позволило... минимизировать социальную турбулентность, повысить управляемость и... э-э... оптимизировать распределение ресурсов между группами населения в соответствии с их вкладом в общую стабильность.

В аудитории стало тихо.

Слишком тихо.

Даже Миртон, кажется, удивился, что из этого разгильдяя вдруг вылетела формулировка из официального учебного модуля почти слово в слово.

Эдгар, почуяв успех, добил:

— А также снизить вероятность горизонтальных конфликтов между классами за счёт географического разграничения экономических интересов.

Теперь Алекс всё-таки усмехнулся.

Профессор смотрел на Эдгара ещё несколько секунд, затем сухо кивнул.

— Неожиданно не безнадежно. Садитесь.

Эдгар сел и, не поворачивая головы, прошептал одними губами:

— Я гений.

— Ты зубрил это перед экзаменом.

— Это не отменяет гениальности.

Алекс хотел ответить, но в этот момент аудитория дрогнула от короткого металлического сигнала.

Один звук.

Резкий, чистый, мгновенно выдернувший всех из полусна.

Наручные браслеты на руках студентов вспыхнули одновременно.

Экран Алекса загорелся белым.

На секунду в аудитории стало так тихо, что слышно было, как над лампами потрескивает старая проводка.

Потом кто-то на заднем ряду судорожно выдохнул:
— Уже?

Алекс вскинул руку к браслету.

На экране появилась эмблема корпорации «Абсолют» — чёрный круг, пересечённый серебряной вертикалью.

Ниже медленно проступила надпись:

Результаты отбора в проект «Эйдос». Персональный доступ открыт.

У Алекса пересохло во рту.

Слева Эдгар шумно втянул воздух.

Профессор Миртон что-то говорил — кажется, требовал убрать устройства и дожидаться конца занятия, — но его уже никто не слушал.

Палец Алекса завис над строкой подтверждения.

Ему вдруг показалось, что воздух в аудитории стал тяжелее.

Будто всё, что было до этой секунды, сейчас заканчивалось.

Он нажал.

Экран мигнул.

И вместо стандартного уведомления появилось всего одно предложение:

Алекс Крейн, вы допущены к первичной фазе. Явка обязательна сегодня в 14:00. Транспортный шлюз

7. Сектор Норд-13.

Ни поздравлений.

Ни пояснений.

Только адрес. Время. И внизу — строка помельче:

Уровень допуска: стандартный.

У Алекса пересохло во рту.

Он перечитал сообщение ещё раз, будто боялся, что буквы сейчас расплывутся и исчезнут.

Слева Эдгар резко вцепился ему в рукав.

— Алекс, — выдохнул он с такой дикой смесью шока и восторга, что голос сорвался. — Алекс, мы прошли.

Алекс повернул голову.

Лицо Эдгара буквально светилось. Он смотрел в свой браслет так, словно держал в руках пропуск в новую вселенную.

— У меня то же самое, — быстро зашептал он. — Шлюз

7. Норд-13. Сегодня в 14:00. Ты понимаешь? Мы реально прошли. Оба.

На секунду Алекс просто смотрел на него, не в силах ничего сказать.

Оба.

Не он один. Не нелепая ошибка системы. Не ложная надежда, которая сейчас рассыплется.

Оба.

Эдгар коротко, нервно рассмеялся и провёл ладонью по лицу.

— Я же говорил. Я же говорил, что нам должно повезти.

В аудитории уже поднялся гул. Кто-то вскочил с места. Кто-то ругался сквозь зубы. Кто-то, наоборот, застыл, глядя в пустоту так, будто только что получил приговор. Повсюду вспыхивали экраны браслетов, и привычная сонная тишина лекционного зала рассыпалась за несколько секунд.

Профессор Миртон что-то говорил — кажется, требовал немедленно отключить устройства и соблюдать дисциплину, — но его голос тонул в общем шуме.

Алекс снова посмотрел на своё сообщение.

Допущены к первичной фазе.

Слова были сухими, почти равнодушными. Но за ними стояло то, о чём он думал весь последний год.

Шанс.

Настоящий.

Не ролик, не слух, не чужая история из новостной ленты. Его собственный шанс.

Он медленно выпрямился, чувствуя, как внутри поднимается странное, непривычное чувство. Не радость даже — слишком резкая, слишком острая для этого. Скорее ощущение, будто реальность, к которой он привык, дала трещину.

И в эту трещину уже пробивалось что-то новое.

Что-то огромное.

Что-то, что изменит всё.

Алекс всё ещё смотрел на экран.

14:00. Шлюз 7. Сектор Норд-13.

В голове цифры складывались слишком быстро.

Сейчас почти полдень.

До дома — минимум двадцать минут, если повезёт с транспортной линией. Обратно — ещё столько же, а если на пересадке будет давка, то все сорок. Плюс проверка на входе в транспортный узел, плюс дорога до самого сектора. Времени внезапно стало не просто мало — катастрофически мало.

— Чёрт, — выдохнул он.

— Что? — Эдгар всё ещё улыбался, но уже настороженно.

— Я ничего не взял.

— В смысле?

Алекс наконец оторвал взгляд от браслета и резко провёл ладонью по волосам.

— Вообще ничего. Ни документов, ни сменной одежды, ни даже нормальной сумки. Я не хотел брать.

Эдгар моргнул.

— Потому что?

Алекс коротко усмехнулся, но вышло безрадостно.

— Потому что боялся сглазить.

На секунду Эдгар уставился на него, а потом фыркнул.

— Невероятно. Человек, который полгода спорил со мной о вероятностных моделях отбора, сам же в последний момент скатился в приметы.

— Зато не выглядел идиотом с собранным рюкзаком, если бы не прошёл.

— А сейчас выглядишь идиотом без рюкзака, который

прошёл.

Это было сказано так быстро и буднично, что Алекс даже не сразу понял, что Эдгар прав.

Улыбка с лица Эдгара исчезла так же внезапно, как и появилась.

Он бросил взгляд на время, выругался себе под нос и резко поднялся.

— Так. Всё. Не тупи. Иди домой.

— Что?

— Домой, Алекс. Немедленно. Забирай документы, всё, что может понадобиться, и дуй в Норд-13. Если будешь сидеть здесь и дальше слушать, как Миртон дрожит на Новый Порядок, то в новую жизнь опоздаешь ещё до её начала.

Профессор как раз в этот момент повысил голос:

— Всем оставаться на местах! Лекция ещё не окончена. Те, кто получил уведомления, обязаны сохранять порядок и —

Его уже никто не воспринимал всерьёз.

Эдгар схватил Алекса за плечо и тряхнул.

— Слышишь меня? Паспорт, идентификатор, медкарта, если есть копия — тоже бери. И что-нибудь на смену. Не знаю, сколько они там продержат. Просто не тормози.

Алекс встал так резко, что стул с визгом отъехал назад.

Сердце колотилось теперь уже не глухо, а сильно, быстро, почти болезненно. Всё вокруг вдруг обрело пугающую чёткость: дрожащий свет ламп, серые лица студентов, сер-

дитый голос Миртона, красная мигающая линия оповещения на браслете, собственные пальцы, чуть подрагивающие от выброса адреналина.

Это происходило.

Не когда-нибудь потом.

Не в мечтах, не в разговорах, не в бесконечных обсуждениях на форумах.

Сейчас.

— А ты? — быстро спросил Алекс.

— У меня всё с собой, — ответил Эдгар, хлопнув по своей старой сумке, брошенной у ножки парты. — Я, в отличие от некоторых, решил сглазить судьбу профессионально.

Несмотря на всё, Алекс коротко усмехнулся.

— Встретимся там, — сказал Эдгар. — И без фокусов. Если застрянешь в линии или на проверке, пиши сразу. Я серьёзно.

Алекс кивнул.

Профессор Миртон заметил движение у их ряда и шагнул вперёд.

— Господин Крейн, сядьте на место. Немедленно.

Алекс посмотрел на него — впервые по-настоящему, будто видел не преподавателя, а часть старой жизни, которая из последних сил пыталась удержать его на месте. Эту аудиторию, этот треск ламп, облупленные стены, серое окно, затянутое смогом Ультимы, монотонные лекции о порядке, который никогда не принадлежал таким, как он.

Всё это вдруг стало тесным.

Невероятно тесным.

Как клетка, существование которой замечаешь только в ту секунду, когда дверь неожиданно открывается.

— Простите, профессор, — сказал Алекс.

И, не дожидаясь ответа, шагнул в проход.

— Крейн!

Он уже не слушал.

Один шаг.

Потом второй.

А затем сорвался с места.

Он мчался вниз по проходу между рядами, слыша за спиной крики, смешки, чей-то свист, раздражённый голос Миртона, который тонул в общем хаосе. Пролетел к двери, толкнул её плечом и выскочил в коридор так резко, что едва не врезался в стену напротив.

Холодный воздух учебного блока ударил в лицо.

Сердце било в рёбра.

Браслет на запястье всё ещё светился белым, словно напоминая: это не сон, не ошибка, не чужая история.

Ты допущен.

Алекс побежал.

Мимо длинных серых коридоров, мимо закрытых аудиторий, мимо автоматов с мутной водой и досок объявлений, где висели стандартные листы о дисциплине, трудовых квотах и наборе на перерабатывающие смены. Лестничный про-

лёт, ещё один, поворот, спуск на нижний уровень. Под подошвами гулко отдавался металл.

Ему казалось, что если он остановится хоть на секунду, всё исчезнет.

Сообщение аннулируют.

Система исправит ошибку.

Дверь, которая только что приоткрылась перед ним, с лязгом захлопнется снова.

Он вылетел из учебного корпуса на улицу, и тяжёлый воздух Ультимы ударил в лёгкие запахом ржавчины, сырого бетона и далёкого промышленного дыма. Над крышами висело знакомое свинцовое небо. Транспортные линии гудели над головой, на соседней платформе толпились люди в серой рабочей форме, где-то вдали визжали тормоза грузового состава.

Всё было как всегда.

И в то же время — уже нет.

Алекс сбежал по растрескавшимся ступеням и, не снижая темпа, рванул через двор к транзитной арке.

Домой.

За документами.

За несколькими вещами, которые теперь внезапно отделяли его от неизвестности.

За остатками прежней жизни, которые ещё можно было унести с собой.

А впереди, за двумя часами спешки, пересадками, про-

верками и пыльными линиями Ультимы, его ждал Шлюз 7.
Начало.

Глава 2

Алекс влетел домой так, будто за ним гнался сам город.

Дверь ударилась о внутренний ограничитель, в узком коридоре сразу стало тесно от резкого движения, тяжёлого дыхания и звука его быстрых шагов. Квартира встретила привычным теплом плохо работающего обогревателя, запахом дешёвого супа и лекарств. Всё было до боли знакомо: узкий шкаф с перекошенной дверцей, старый коврик у входа, облупившаяся краска на стене, тусклый свет под потолком. Дом. Маленький, тесный, уставший от жизни так же, как и все, кто в нём жил.

— Алекс?

Голос матери донёсся с кухни почти сразу.

Он уже стягивал с полки старую сумку, когда она вышла в коридор и замерла. За ней, кутаясь в слишком большой домашний свитер, показалась Ульяна.

Мать и сестра были удивительно похожи. Обе — светло-кожие, с россыпью тёплых веснушек на лице, с рыжими волосами, которые даже в сером свете квартиры будто хранили собственное упрямое солнце. У матери этот цвет давно потускнел, стал темнее, тише; у Ульяны оставался живым, почти золотистым. Алекс унаследовал от матери то же самое — рыжие волосы, конопушки, светлую кожу, из-за которых в детстве и в школе его цепляли так часто, что со временем

он почти возненавидел собственное отражение. От отца ему достались только глаза — яркие, голубые, слишком светлые для его лица.

Отец, как всегда, был на работе. Лишняя смена, подмены, переработки — что угодно, лишь бы в конце месяца баланс не выглядел совсем безнадёжно.

— Что случилось? — спросила мать, уже чувствуя, что ответ ей не понравится.

Алекс рванул дверцу шкафа, вытащил папку с документами, быстро проверил идентификатор.

— Я прошёл.

Мать не поняла.

Это было видно сразу — по короткой паузе, по тому, как её брови чуть сдвинулись, как она машинально вытерла руки о полотенце, будто пыталась выиграть секунду.

— Куда прошёл?

— В «Эйдос». На первичную фазу. Сегодня. Мне нужно быть в Норд-13 к двум.

Он говорил быстро, почти отрывисто, уже проходя мимо неё в комнату. Выдвинул ящик, бросил в сумку сменную одежду, зарядный кабель, старую флягу, даже не зная, пригодится ли она. Времени на объяснения не было. Каждая секунда будто вырезалась из него вместе с воздухом.

Из кухни слышался кашель. Ульяна стояла в дверях, прижимая к груди кружку с чем-то горячим. Болела она редко, но метко: если уж сваливалась, то сидела дома по

несколько дней, бледная, тихая, с красным носом и внимательным взрослым взглядом, который всегда казался старше её четырнадцати лет. До окончания школы ей оставалось совсем немного, и Алекс иногда ловил себя на мысли, что боится за неё сильнее, чем за себя. На Ультиме взросление происходило слишком быстро.

— Что значит сегодня? — голос матери стал жёстче. — Подожди. Подожди, Алекс. О чём ты вообще говоришь?

Он обернулся.

— Меня вызвали. Я должен ехать прямо сейчас.

— Кто вызвал?

— «Абсолют».

Мать побледнела так резко, что веснушки стали заметнее.

— Нет.

Это слово прозвучало сразу. Без раздумья. Без уточнений.

Алекс замер на секунду, потом снова сунул в сумку документы.

— Да.

— Нет, — повторила она уже громче и шагнула к нему.

— Никуда ты не поедешь.

Он вскинул голову.

— Что?

— Я сказала — никуда ты не поедешь.

В её голосе было не столько раздражение, сколько настоящий страх, сырой и прямой. Такой, который не прячут за красивыми словами, потому что на него просто не хватает

сил.

— Мам, мне через... — он бросил взгляд на браслет, — меньше двух часов нужно быть там. У меня нет времени.

— Тогда не надо было подаваться.

— Но я подался.

— И зря.

Эта фраза ударила сильнее, чем он ожидал.

В комнате повисло короткое молчание.

— Ты сама понимаешь, что говоришь? — тихо спросил Алекс.

— Прекрасно понимаю. Я не верю этим людям. И этой игре не верю. И их обещаниям не верю. Сегодня зовут, завтра забудут, а послезавтра вернут тебя с пустой головой — если вообще вернут.

— Я прошёл, — повторил он, уже почти сквозь зубы. — Прощёл, понимаешь? Это шанс.

Мать покачала головой.

— Нет. Это наживка.

— Для кого? Для миллионов людей?

— Именно поэтому и работает.

Алекс шумно выдохнул и застегнул сумку.

— Ты не понимаешь.

— Я слишком хорошо понимаю.

Она смотрела на него так, будто перед ней стоял не взрослый сын, а мальчишка, который вот-вот шагнёт на тонкий лёд и искренне уверен, что выдержит.

— Ты никуда не пройдёшь дальше первого этапа, — сказала она. — Они таких, как мы, наверх не пускают. Им нужны истории для трансляций. Несколько красивых лиц. Несколько удачников на весь материк. Остальные для них — расходный материал.

Слова прозвучали просто, без злобы. И, наверное, именно поэтому разозлили его окончательно.

— А если пускают? — резко бросил он. — Если я смогу? Если это реально тот самый шанс? Я не собираюсь здесь сгнить только потому, что тебе так спокойнее.

— Алекс —

— Нет, послушай меня. Я всю жизнь слушаю, как надо быть осторожнее, тише, скромнее, незаметнее. И что в итоге? Что изменилось? Что у нас стало лучше? Отец сутками на работе, ты веришь в пайки и переработки, Ульяна болеет в квартире, где стены цветут сыростью. Это жизнь?

Мать побледнела ещё сильнее.

Ульяна не двигалась.

— Это мой шанс, — сказал Алекс уже громче. — Мой. И если я попаду в те тридцать процентов Избранных, я выберусь отсюда. Я смогу вытащить вас. Всех.

Мать долго смотрела на него, и в её взгляде было что-то слишком сложное, чтобы он смог сразу понять — страх, усталость, нежность, обречённость, всё сразу.

Потом она тихо сказала:

— Не всякая дверь, открытая бедному, ведёт наружу.

Иногда это просто другой способ запереть его изнутри.

Алекс нахмурился.

Он понял слова по отдельности, но не принял их целиком. Сейчас они казались ему чем-то слишком медленным, слишком тяжёлым, слишком взрослым для той скорости, на которой у него билось сердце.

— Я не могу сейчас спорить, — отрезал он. — Правда не могу.

Он закинул сумку на плечо и быстро пошёл к выходу.

Мать шагнула было за ним, будто хотела ещё что-то сказать, остановить, схватить за рукав, но так и не сделала этого. Только замерла посреди коридора, с опущенными руками, и от этого стало почему-то ещё хуже.

Алекс открыл дверь.

На пороге обернулся всего на секунду.

Ульяна стояла в полутьме коридора, худенькая, бледная, с растрёпанными рыжими волосами и той же россыпью веснушек, что у него и у матери. Она ничего не сказала. Просто смотрела на него широко раскрытыми глазами — не осуждая, не прося остаться, не пытаясь подбодрить.

Просто смотрела.

И в этом молчании было больше, чем в любом прощании.

Алекс вышел и захлопнул за собой дверь.

Шаги быстро стихли на лестнице.

В квартире стало тихо.

Мать медленно опустилась на стул у стены и закрыла лицо

ладонью.

А Ульяна всё ещё смотрела на дверь.

Слушала удаляющийся топот брата, пока он не растворился совсем, и думала только об одном: может быть, у него действительно получится.

Может быть, хоть кто-то из них сумеет выбраться из этого кошмара.

Алекс добрался до Норд-13 на последнем дыхании.

К тому моменту, когда транспортная линия выплюнула его на верхнюю платформу сектора, спина под рубашкой уже промокла, а ремень сумки болезненно врезался в плечо. Он почти бежал от самой пересадки, лавируя между людьми, техническими тележками и плотными потоками рабочих, пока впереди наконец не показались серые указатели с маркировкой транспортного узла.

ШЛЮЗ 7

Надпись светилась холодным белым светом на тёмной панели, и от одного её вида внутри у Алекса снова всё сжалось.

В рекламе центры отбора «Эйдоса» выглядели совсем иначе.

Там были стекло, свет, простор, улыбающиеся кураторы в безупречной форме и мягкие голоса, обещающие начало нового этапа. Здесь же Шлюз 7 больше напоминал промышленный терминал, который наспех попытались сделать респектабельным. Высокие бетонно-металлические стены, ма-

товые перегородки, узкие проходы с рамками сканеров, серый пол, вычищенный до больничного блеска. По периметру стояли сотрудники службы контроля в тёмной форме без знаков различия. Слишком неподвижные. Слишком внимательные.

Перед входом уже собралась группа.

Человек тридцать, может, чуть больше.

Почти все были молодые. Кто-то пришёл один, кто-то с родными, которых дальше внешнего кордона всё равно не пускали. На лицах смешалось всё сразу: возбуждение, страх, растерянность, неверие. У кого-то дрожали руки, кто-то всё время смотрел в браслет, будто сообщение могло исчезнуть прямо сейчас. Пара человек пытались разговаривать слишком громко и бодро, словно этим можно было заглушить собственную панику. Другие, наоборот, стояли в полном молчании.

Алекс сбавил шаг и быстро огляделся.

Эдгара он заметил почти сразу.

Тот стоял чуть в стороне у защитного ограждения, с той самой старой сумкой через плечо, и вертел головой по сторонам с видом человека, который одновременно хочет рассмотреть всё вокруг и сделать вид, что ему совершенно не страшно. Увидев Алекса, он мгновенно выпрямился и вскинул руку.

— Ты всё-таки не сдох по дороге, — сказал он, когда Алекс подошёл ближе.

— Разочарован?

— Слегка. Я уже примерял на себя роль трагически выжившего друга главного героя.

Алекс шумно выдохнул, пытаясь восстановить дыхание.

— Давно тут?

— Минут десять. Может, пятнадцать.

Эдгар быстро скользнул взглядом по его лицу, по сумке, по сбитому дыханию и ухмыльнулся.

— Судя по виду, дома всё прошло спокойно и без истерик.

Алекс коротко посмотрел на него.

— Почти.

Улыбка у Эдгара чуть потускнела, но в расспросы он не полез. Только кивнул — коротко, понимающе.

— Ладно. Главное, ты успел.

Алекс перевёл взгляд на людей у входа.

Теперь, когда первая спешка схлынула, стало легче замечать детали.

Почти у всех были одинаковые сообщения допуска — он уже слышал обрывки разговоров о «первичной фазе», времени явки и маршрутах. Но атмосфера не была похожа ни на праздник, ни на начало карьерной программы. Скорее на сбор перед чем-то, о чём никто толком не хотел говорить вслух.

Рядом с ограждением стоял высокий парень в тёмной куртке, слишком тонкой для ветра. Он бесконечно прокручивал на запястье браслет, будто боялся, что тот соскольз-

нёт, а вместе с ним исчезнет и право здесь находиться. Чуть дальше девушка с выбритым виском нервно грызла ноготь и делала вид, что ей скучно. Возле самой линии допуска худой сутулый парень в очках спорил с сотрудником контроля о том, можно ли оставить у себя коммуникатор. Сотрудник отвечал одно и то же спокойным, механическим тоном:

— Личные устройства с расширенным каналом связи будут изъяты на время первичного этапа.

— На время — это на сколько? — напряжённо спросил тот.

— Информация будет предоставлена после регистрации.

— А если мне нужно связаться с семьёй?

— Информация будет предоставлена после регистрации.

Эдгар тихо хмыкнул.

— Обожаю, когда с тобой разговаривают как с упаковкой деталей.

Алекс ничего не ответил.

Он смотрел на остальных прошедших и пытался понять, что чувствует. Облегчение оттого, что он не один? Может быть. Но вместе с этим пришло и другое ощущение — странное, колючее. Все эти люди были не просто случайной толпой. Все они получили тот же вызов. Все они были потенциальными соперниками. Кто-то из них мог войти в те самые тридцать процентов. Кто-то — не он.

Эта мысль пришла холодно и сразу.

— Приятно, да? — негромко сказал Эдгар, будто угадав

его состояние. — Впервые видишь лицо статистики.

Алекс покосился на него.

— Ты можешь хоть раз не звучать как ходячий справочник?

— Не сегодня. Сегодня у меня стресс, и я с ним так справляюсь.

К ним подошёл крепко сложенный парень примерно их возраста, с тёмной кожей, коротко остриженными волосами и перебитой переносицей, как у человека, который не раз решал конфликты не словами. На плече у него висел плотный армейский рюкзак, собранный так основательно, будто он готовился не на отбор, а в автономный рейд на неделю.

— Вы тоже с лекционного корпуса? — спросил он.

— Да, — ответил Эдгар раньше Алекса. — А что, заметно?

— По лицам, — сказал парень. — Те, кого выдернули с работы, выглядят злее.

Эдгар усмехнулся.

— А ты откуда?

— С ремонтных доков. Кир.

Он кивнул им по очереди.

— Алекс.

— Эдгар.

Кир оглянулся на здание шлюза.

— Кто-нибудь вообще знает, что такое эта «первичная фаза»?

— Никто, — сказал Алекс.

— Прекрасно, — спокойно отозвался Кир. — Ненавижу сюрпризы.

С другой стороны к ним приблизилась та самая девушка с выбритым виском. Вблизи она оказалась младше, чем Алекс подумал сначала, может, лет девятнадцати. Черты лица тонкие, движения быстрые, настороженные. На шее — дешёвый тканевый шарф, слишком яркий для общего серого фона сектора.

— Если вы сейчас начнёте строить теории, я с вами, — сказала она. — Стоять одной среди этих молчунов ещё хуже.

— Присоединяйся, — тут же сказал Эдгар. — У нас уже есть один человек с травматическим опытом работы на доках, один человек, который бежал сюда как ошпаренный, и я — то есть интеллект группы.

Девушка фыркнула.

— Самоназначенный?

— Исключительно.

— Лея, — сказала она.

Они обменялись короткими кивками.

Почти сразу к разговору подтянулся ещё один — очень бледный парень с тёмными кругами под глазами, в аккуратно застёгнутой куртке и с папкой документов, которую он держал так крепко, словно это был спасательный круг.

— Простите, — сказал он, — я случайно услышал. Вы правда думаете, что нас не отпустят домой сегодня?

— Мы ничего не знаем, — ответил Алекс.

— Но вещи ведь разрешили брать, — неуверенно продолжил тот. — Значит, это может быть надолго.

— Или они просто любят, когда люди приходят подготовленными, — заметила Лея.

— Или любят смотреть, кто умеет выполнять инструкции, — добавил Кир.

— Или это психологический фильтр, — с готовностью подхватил Эдгар. — Срочный вызов, минимум информации, давление по времени, ограничение контактов. Смотрят, кто как реагирует на неопределённость.

Бледный парень побледнел ещё сильнее.

— Спасибо. Теперь мне значительно хуже.

— Это Том, — сказал кто-то сбоку, и к ним подошла невысокая девушка с плотной косой и спокойным, почти суровым лицом. — Не обращайтесь внимания, он всегда выглядит так, будто сейчас упадёт в обморок, но обычно не падает.

Том сдержанно возмутился:

— Неправда.

— Правда, — ответила она и перевела взгляд на остальных. — Я Мира.

Теперь их уже было шестеро, и от этого напряжение странным образом стало переносимее. Не меньше, но распределённое, будто общий страх, разделённый на нескольких, терял остроту.

Ветер гулял между бетонных стен шлюзового узла, трепал

край шарфа Леи и выбивал из динамиков лёгкий треск перед каждым служебным объявлением. За ограждением слышался гул транспортных магистралей, далёкие тормоза составов, редкие команды персонала. Над входом горела белая полоса сканера, холодная, ровная, почти операционная.

— Ставлю на то, что сейчас нас загонят в зал ожидания,
— сказал Кир.

— Ставлю на медосмотр, — ответила Мира.

— Ставлю на многочасовое подписание согласий мелким шрифтом, — мрачно сказал Том.

— Ставлю на то, что нас просто усыпят и оцифруют, — сообщила Лея.

Том уставился на неё.

— Это шутка?

— Пока да.

Эдгар тихо засмеялся.

Алекс тоже почти улыбнулся — и именно в этот момент заметил, как изменилось выражение лиц у тех, кто стоял ближе ко входу.

Люди начали замолкать.

Разговоры один за другим обрывались, будто кто-то постепенно убавлял звук.

Из внутренних дверей шлюза вышли трое сотрудников в тёмной форме, а следом за ними — женщина в светло-сером пальто с тонкой серебристой полосой на воротнике. В отличие от охраны, на ней не было ничего угрожающего. Но

именно из-за этого на неё сразу обратили внимание все.

Она двигалась спокойно, без спешки, и в этой спокойной уверенности чувствовалась привычка заходить в любые пространства как в уже принадлежащие ей. Возраст было трудно определить с первого взгляда: может, чуть за тридцать, может, старше. Светлые волосы собраны слишком аккуратно, лицо открытое, почти мягкое, но взгляд — точный, холодноватый, оценивающий.

Она остановилась перед собравшимися.

— Добрый день, — сказала она, и голос без труда перекрыл шум узла. — Меня зовут Селин Арно. С этого момента я представляю координационный отдел программы «Эйдос» на этапе вашего первичного допуска.

Никто не ответил.

— Вы прибыли вовремя, — продолжила она. — Это уже лучше, чем показывает средний результат по потоку.

Лея еле слышно пробормотала:

— Как приятно быть статистически приемлемой.

Селин, если и услышала, никак этого не показала.

— Через несколько минут начнётся регистрация. После неё вы проследуете внутрь на первичную оценку. Порядок прохождения определит система. Все личные устройства связи, не входящие в базовый идентификационный комплект, будут временно переданы на хранение. Вам предоставят подтверждение изъятия. Любая попытка покинуть объект после начала процедуры будет означать добровольный

отказ от участия без права восстановления в текущем цикле.

По группе прокатилась почти неуловимая волна напряжения.

Алекс почувствовал, как рядом чуть выпрямился Эдгар.

— Также, — сказала Селин, — хочу напомнить: допуск к первичной фазе не означает автоматического прохождения в основную программу. Вы были отобраны как перспективные кандидаты. Следующий этап покажет, насколько эта оценка была верной.

Вот оно.

Не поздравление.

Не обещание.

Предупреждение.

Алекс смотрел на женщину у входа и чувствовал, как у него внутри снова собирается тугой, холодный узел. Всё, что было до этого, — лекция, бегство, ссора дома, безумная дорога через город — вдруг начало казаться только разбегом.

Настоящее начиналось здесь.

Селин слегка повернула голову, будто сверяясь с внутренним протоколом.

— Когда назовут ваш идентификационный код, вы подходите к линии сканирования и проходите без задержек. Разговоры с персоналом только по существу. Вопросы допускаются после завершения регистрации.

Она отступила на полшага.

Над входом вспыхнула узкая синяя полоса, и скрытые ди-

намики коротко подали сигнал.

— Начинаем.

Никто уже не шутил.

Том судорожно поправил папку.

Кир сжал лямку рюкзака.

Лея перестала делать вид, что ей всё безразлично.

Мира смотрела прямо перед собой, не мигая.

Эдгар тихо выдохнул и негромко сказал, не поворачивая головы:

— Ну что, Алекс. Похоже, назад дороги уже и правда нет.

Алекс не ответил сразу.

Он смотрел на светящуюся линию допуска, на охрану у входа, на лица других прошедших, которые ещё минуту назад были просто незнакомцами, а теперь стали свидетелями одного и того же рубежа.

Потом произнёс:

— И хорошо.

В динамике прозвучал первый идентификационный код.

Кто-то из толпы вздрогнул и шагнул вперёд.

Глава 3

Алексу потом казалось, что первичная проверка длилась не больше десяти минут.

На деле прошло, наверное, не меньше часа.

В памяти всё смешалось в рваную, холодную последовательность: светящиеся линии на полу, короткие команды персонала, серо-белые коридоры без окон, тонкий запах антисептика, сканирующие рамки, пластиковые контейнеры для личных вещей, вопросы без пояснений, экраны с быстро сменяющимися символами, вспышки света, сенсорные панели под пальцами, чужие лица — напряжённые, бледные, сосредоточенные.

И всё это происходило почти без слов.

Устройства связи у них забрали сразу после первой линии допуска. Каждому выдали тонкую карточку-подтверждение, на которой не было ничего, кроме идентификационного кода и времени изъятия. Сумки тоже проверяли молча, быстро, без грубости, но так тщательно, что у Алекса возникло ощущение, будто его не досматривают, а разбирают на части вместе со всем, что он принёс с собой.

Потом были сканеры.

Потом кабинет, где женщина в медицинской форме, не поднимая глаз, снимала показатели и просила приложить руку к стеклянной пластине.

Потом другая комната, где нужно было смотреть на точки, вспыхивающие на чёрном экране, и нажимать на панели в определённой последовательности.

Потом ещё одна, где голос за перегородкой задавал вопросы:

— Были ли у вас эпизоды потери сознания?

— Нет.

— Наблюдались ли случаи зрительных или слуховых искажений?

— Нет.

— Имеются ли подтверждённые генетические отклонения первой или второй категории?

— Нет.

— Считаете ли вы свои реакции выше средних?

На этом вопросе Алекс на секунду замешкался.

— Не знаю.

Пауза длилась ровно столько, чтобы он почувствовал себя уже ответившим неправильно.

— Ответ зафиксирован, — сказал голос.

Его отправили дальше.

Иногда их пересекали друг с другом в переходах или зонах ожидания. Эдгар один раз мелькнул за стеклянной перегородкой, с раздражённым лицом и сенсорной лентой на виске. Лея выходила из бокового кабинета с таким видом, словно едва удержалась от того, чтобы укусить кого-то из сотрудников. Том держался за свою папку даже там, где её явно

просили отложить. Кир казался единственным, кого вся процедура не выбивала из равновесия, но Алекс заметил, что тот стал заметно молчаливее. Мира, наоборот, выглядела почти пугающе спокойной, как человек, который решил не тратить силы на реакции, пока не поймёт, что здесь на самом деле происходит.

Никто ничего не объяснял.

Ни что именно проверяют.

Ни по каким критериям оценивают.

Ни сколько людей должны отсеять.

Именно это выматывало сильнее всего.

Когда Алекса в очередной раз вернули в общий зал ожидания, там уже сидела большая часть их группы. Помещение было широким, почти пустым, с мягким белым светом, с матовыми стенами и длинными рядами встроенных сидений вдоль перегородок. Ни часов, ни окон, ни единого экрана с понятной информацией. Только тонкая тёмная полоса под потолком, за которой прятались динамики и камеры.

Люди сидели молча.

Не потому, что им нечего было сказать, а потому, что каждый уже понял: здесь слова ничего не меняют.

Алекс опустился на свободное место рядом с Эдгаром. Тот выглядел уставшим, но, как обычно, старался не подавать вида.

— Ну? — тихо спросил он.

— Если кратко, — ответил Алекс, — я теперь знаю, что

умею различать вспышки, нажимать на квадраты и не терять сознание под лампами.

Эдгар слабо хмыкнул.

— Отлично. А я, похоже, официально признан человеком, способным отличить треугольник от окружности под давлением.

— Поздравляю.

— Спасибо. Всегда мечтал о карьерном росте.

С другой стороны сидела

Лея. Она закинула голову к стене и смотрела в потолок с таким видом, будто мысленно составляла список того, что уничтожит первым, если ей когда-нибудь дадут доступ к внутренним системам «Эйдоса».

— Если ещё хоть один человек в белой форме скажет мне «смотрите прямо перед собой», я начну смотреть принципиально вбок, — сказала она, не опуская глаз.

— Тебя отчислят за идеологическое нарушение траектории взгляда, — отозвался Эдгар.

— Хотя какое-то разнообразие.

Чуть поодаль Том сидел на самом краю сиденья, согнувшись над своей папкой. Он уже не листал документы, просто держал их обеими руками, как будто без этой папки окончательно потеряет форму. Рядом с ним Мира что-то негромко говорила — спокойно, ровно, без лишних движений. Том время от времени кивал, хотя по его лицу было видно, что слова до него доходят не полностью.

Кир стоял у дальней стены, сложив руки на груди. Внешне он по-прежнему выглядел собранным, но взгляд у него стал жёстче. Он внимательно следил за каждой дверью, которая открывалась в зал, как человек, привыкший вычислять момент, когда ситуация перестаёт быть управляемой.

Алекс огляделся.

Здесь были не только они шестеро. Вдоль стен сидели и стояли другие кандидаты — кто по одному, кто парами, кто маленькими группами, успевшими собраться ещё до входа. Возраст, одежда, манера держаться — всё было разным. Кто-то выглядел как студент, кого-то можно было принять за молодого техника, кого-то — за спортсмена, кого-то — за человека, которого вообще трудно представить в программе вроде этой. Но сейчас различия стирались. Все они были одинаково лишены своих вещей, маршрутов, привычек, права знать, что будет дальше.

Открылась одна из боковых дверей.

Несколько человек в форме вывели в зал очередную порцию прошедших проверку. Никого из них не остановили. Не увели отдельно. Не вызвали по внутренней связи. Не объявили отказ.

Алекс поймал себя на том, что уже некоторое время машинально считает вернувшихся.

Слишком много.

Он не знал точного числа группы на входе, но внутреннее чувство подсказывало ясно: если отбор и шёл, выглядел он

совсем не так, как ожидалось.

Похоже, к той же мысли пришёл не только он.

Кир оттолкнулся от стены и подошёл ближе.

— Заметили? — спросил он вполголоса.

— Что никто не исчезает? — так же тихо ответил Алекс.

Кир кивнул.

— Да.

Лея наконец опустила голову.

— Может, это ещё не конец.

— Может, — сказал Эдгар. — Но тогда вопрос, зачем было устраивать весь этот театр с предупреждениями.

— Чтобы мы нервничали, — отозвалась Лея.

— С этим они справились, — сухо сказал Кир.

Мира подняла взгляд от Тома.

— Или проверка уже была, просто не на то, на что мы думали.

Эдгар повернулся к ней.

— В каком смысле?

— В прямом. Все ждут, что отбор выглядит как отсев. Не прошёл — ушёл. Это понятно, прозрачно и успокаивает. Но если им нужно посмотреть, как люди реагируют на неопределённость, давление, отсутствие объяснений, ожидание рядом с конкурентами, то самый удобный способ — ничего не объяснять и пропустить всех дальше.

Том сглотнул.

— Зачем тогда вообще говорить, что не все пройдут?

— Потому что после такой фразы, — сказал Эдгар, — каждый сам себе достраивает худший сценарий.

— Что тоже можно измерить, — закончила Мира.

На секунду стало совсем тихо.

Алекс почувствовал, как по спине проходит знакомый холодок. Не страх в чистом виде — скорее ощущение, что он стоит внутри системы, которая устроена сложнее, чем хочет казаться.

Над дверями в дальнем конце зала мягко вспыхнула белая полоса.

Разговоры смолкли почти мгновенно.

В помещение вошла Селин Арно.

Теперь, при ровном свете, она казалась ещё спокойнее, чем у входа в шлюз. Светло-серое пальто сменилось строгой тёмной формой без лишних знаков различия. Только тонкая серебристая линия на воротнике по-прежнему выделяла её среди остального персонала. Она остановилась в центре зала, дождалась полной тишины и окинула собравшихся тем же точным, почти бесстрастным взглядом, каким, казалось, умела сразу отмечать и уровень усталости, и скрытую агрессию, и попытки держаться увереннее, чем человек чувствует на самом деле.

— Первичная оценка завершена, — сказала она.

Никто не шевельнулся.

— Текущий поток допущен к следующему этапу в полном составе.

По залу прошла едва заметная волна — не шум, не облегчённый выдох, а что-то более странное. Общее, почти физическое недоумение.

Кто-то слева коротко рассмеялся, будто не поверил.

Кто-то, наоборот, резко напрягся ещё сильнее.

Том просто моргнул и уставился на Селин так, словно не был уверен, правильно ли расслышал.

Лея тихо пробормотала:

— Ну конечно. Разумеется. Это было бы слишком по-человечески — сразу сказать, в чём подвох.

Эдгар наклонился к Алексу и едва слышно произнёс:

— Мне это не нравится ещё больше, чем если бы отсеяли половину.

Алекс не ответил.

Потому что был с ним согласен.

Если бы кого-то развернули сейчас, это выглядело бы логично. Жёстко, но понятно. Значит, есть порог, есть критерии, есть линия, за которой тебя не берут.

Но когда линия есть, а через неё проводят всех, остаётся только один вопрос: где тогда настоящий порог?

Селин, словно и ожидавшая именно такой реакции, выдержала короткую паузу.

— Не советую воспринимать это как достижение, — сказала она всё тем же ровным тоном. — Это означает лишь, что вы соответствуете базовым условиям допуска. Основная оценка начнётся дальше.

Вот теперь по залу окончательно растеклось напряжение — уже без примеси растерянности. Люди слышали главное. Не «прошли». Не «отобраны». Не «поздравляем».

Базовые условия допуска.

Алекс поймал взгляд Кира. Тот едва заметно качнул головой, как бы подтверждая: да, всё именно так. Их не выбрали. Их только впустили.

— В течение ближайших минут вас распределят по внутренним секторам, — продолжила Селин. — С этого момента вы считаетесь участниками стартового этапа программы. Правила перемещения, проживания и взаимодействия будут объявлены после размещения. До этого любые отклонения от маршрута фиксируются как дисциплинарное нарушение.

Она сделала небольшую паузу.

— Если кто-то из вас до сих пор полагал, что самое сложное было добраться сюда, советую избавиться от этого заблуждения сейчас.

Никто не улыбнулся.

Селин чуть повернула голову к сотрудникам у дверей.

— Приготовиться к распределению.

В дальнем конце зала одна за другой загорелись световые метки над несколькими проходами. Белая, синяя, янтарная, зелёная. На стенах включились узкие панели со списками кодов.

Люди сразу задвигались — неуверенно, с настороженной поспешностью, проверяя свои браслеты, ища глазами нуж-

ные обозначения.

Алекс перевёл взгляд на собственный идентификационный код.

Рядом уже поднялся Эдгар.

— У тебя какой сектор?

Алекс быстро сверился с меткой.

— Синий.

— У меня тоже, — сказал Эдгар и тут же посмотрел на остальных.

— Янтарный, — бросил Кир.

— Зелёный, — сказала Мира.

Том судорожно посмотрел на свой код.

— Я... тоже зелёный.

— Ну хоть не один умрёшь от тревоги, — заметила Лея, взглянув на браслет. — Белый сектор. Прекрасно. Звучит как место, где людей растворяют в антисептике.

— А я думал, тебя это вдохновит, — сказал Эдгар.

— Меня вдохновляет только возможность уйти отсюда с ответами.

Сотрудник у ближайшего прохода назвал первые коды.

Поток людей начал дробиться.

Группа, возникшая у шлюза почти случайно, вдруг так же быстро начала распадаться — не потому, что кто-то этого хотел, а потому что система, приняв их внутрь, сразу напомнила: любые союзы здесь временные, любые совпадения — до следующего распределения.

Мира коротко посмотрела на Алекса и Эдгара.

— Увидимся, если дадут.

— Дадут, — уверенно сказал Эдгар, хотя уверенности в этом не было никакой.

Кир только кивнул.

Лея отсалютовала двумя пальцами, как будто они расставались не перед неизвестностью, а после скучной лекции.

Том открыл рот, явно собираясь сказать что-то более содержательное, но в итоге лишь выдавил:

— Ну... да.

И тут же сам поморщился от собственного ответа.

Алекс неожиданно понял, что не хочет, чтобы они расходились вот так быстро. Эти люди были ему никто — случайные лица, несколько реплик, напряжённый час под общим давлением. Но именно рядом с ними всё происходящее казалось хоть немного реальным и переносимым.

Без них начинался следующий уровень одиночества.

— Синий сектор, к проходу три, — произнёс механический голос.

Эдгар тронул Алекса за локоть.

— Пошли.

Они двинулись вперёд вместе с ещё несколькими кандидатами. За спиной уже слышались новые вызовы, шаги, приглушённые команды персонала. Пространство зала ломалось на отдельные маршруты, и каждый из них уводил в свою часть того, что ещё недавно было общим ожиданием.

У самого прохода Алекс обернулся.

Селин Арно стояла на прежнем месте и смотрела, как поток людей расходится по секторам. В её лице не было ни удовлетворения, ни напряжения, ни даже заметной усталости. Только то же самое выражение точного контроля, от которого у Алекса с самого начала возникало неприятное чувство: для неё всё это не начало новой жизни для десятков людей, а очередная хорошо рассчитанная процедура.

Словно главное уже происходило.

Словно их снова проверяли — прямо сейчас, в том, как они расходятся, оглядываются, ищут друг друга глазами, ускоряют шаг или, наоборот, пытаются не показать спешки.

Перед ними разошлись створки внутренней двери.

За ними открывался длинный коридор с холодным синим светом вдоль пола.

Эдгар тихо выдохнул.

— Вот теперь, кажется, начинается действительно плохое.

Алекс шагнул через порог и ответил, не глядя на него:

— Нет. Вот теперь начинается настоящее.

Глава 4

После распределения их больше не вели по бесконечным коридорам.

Синий сектор оказался не залом ожидания и не учебным блоком, а чем-то средним между жилым модулем и лабораторией. За автоматическими дверями открывалось широкое помещение с высоким потолком, разделённое на несколько уровней прозрачными перегородками. Здесь уже были люди — десятки, может, больше. Кто-то стоял у терминалов регистрации, кто-то разговаривал вполголоса, кто-то просто озираясь по сторонам с таким выражением, будто до сих пор не мог поверить, что действительно оказался внутри «Эйдоса».

И не только из синего сектора.

На полу светились линии разных цветов, сходящиеся в общем зале, и по ним подходили новые группы. Белые, зелёные, янтарные — все потоки здесь смешивались, словно после разделения их снова специально сводили в одну точку.

Алекс замедлил шаг, осматриваясь.

Теперь комплекс выглядел иначе. Уже не как стерильная машина отбора, а как вход в нечто куда более масштабное. За прозрачной стеной справа виднелся ряд одинаковых дверей с номерами. Слева — зона с длинными стойками, над которыми мерцали проекции схем, инструкций и технических параметров. В глубине зала, за матовым стеклом, уга-

дывались закрытые кабины с медицинскими креслами и дугами оборудования над ними.

— Ну вот, — пробормотал Эдгар. — Наконец-то что-то, похожее на будущее, а не на государственную поликлинику с культом секретности.

— Тебе обязательно комментировать каждую стадию собственного стресса? — спросила Лея, подходя ближе.

— Обязательно. Это мой единственный бесплатный способ саморегуляции.

Они остановились у одной из световых стоек. Над поверхностью вспыхнул список кодов, и механический голос без интонации объявил:

— Участникам стартового потока пройти к модулям первичной нейроинтеграции. Комнаты проживания закреплены индивидуально. Доступ откроется после завершения имплантационной процедуры.

Том мгновенно побледнел.

— Имплантационной? — переспросил он. — То есть... прямо сейчас?

— Видимо, да, — спокойно сказала Мира.

Кир скользнул взглядом по залу, по охране у дальних выходов, по людям в форме у стоек.

— Не похоже, что здесь предполагается возможность передумать.

— Очень ободряющее замечание, — сказал Эдгар.

Лея прищурилась, глядя в сторону стеклянных кабин.

— Если нам сейчас скажут «вы можете ощущать лёгкий дискомфорт», я сразу кому-нибудь не поверю.

Их вызвали через несколько минут.

Процедура оказалась даже менее зрелищной, чем представлялось Алексу, и от этого почему-то ещё более тревожной. Никаких операционных ламп, никаких тяжёлых манипуляторов, никаких драматичных приготовлений. Только белая комната, кресло с высоким подголовником, тонкий столик с инструментами под прозрачным колпаком и женщина-техник с мягким голосом, который совсем не сочетался с холодной точностью её движений.

— Нейрочип не заменяет естественную активность мозга, — произнесла она, пока на экране рядом с креслом разворачивались схемы. — Он выполняет функцию интерфейса синхронизации. Первичное соединение займёт несколько секунд. В последующем адаптация ускорится. Возможны кратковременные сенсорные искажения в течение первых часов после выхода из симуляции.

Алекс сел в кресло.

— И часто люди потом говорят, что всё прошло прекрасно, а через сутки выясняется, что они забыли своё имя?

Женщина впервые подняла на него взгляд.

— Нет.

— Хорошо.

— Обычно они забывают о таких шутках после первого подключения.

Он не понял, было ли это проявлением юмора.

Процедура заняла меньше пяти минут. Холод антисептика за ухом. Короткое прикосновение инструмента. Тупое, почти неуловимое давление под кожей. Вспышка боли — резкая, тонкая, будто внутрь вогнали раскалённую иглу, но всего на секунду. Потом лёгкое головокружение и ощущение чужеродной тяжести, быстро растворившееся где-то на границе внимания.

— Завершено, — сказала техник. — Подождите десять секунд.

Алекс подождал.

— И всё?

— И всё.

— Это как-то даже разочаровывает.

— Вы ещё успеете впечатлиться, — ответила она и вывела на экран номер его жилого модуля. — Комната В-214. Внутренний интерфейс уже активирован.

Когда он вышел обратно в общий сектор, остальные постепенно тоже появлялись из соседних кабин.

Эдгар машинально коснулся области за левым ухом и скривился.

— Знаешь, что хуже всего?

— Что? — спросил Алекс.

— Что это было слишком просто. Я готовился к чему-то ужасающему. А теперь чувствую себя человеком, которому установили обновление без согласия пользователя.

Лея вышла следом и сразу сказала:

— Если у кого-нибудь из вас после этого начнётся желание говорить корпоративными лозунгами, предупреждайте заранее.

— Я в порядке, — сказал Кир.

— Это пока, — заметила Лея.

Мира выглядела так же собранно, как прежде, только чуть бледнее обычного.

Том осторожно потрогал шею и выдохнул:

— Я почти ничего не почувствовал.

— Звучит как начало очень плохой истории, — сказал Эдгар.

На этот раз даже Том нервно усмехнулся.

Их комнаты находились в одном жилом коридоре. Узкий проход с мягким светом вдоль пола, одинаковые двери, одинаковые панели доступа, одинаковая тишина, слишком чистая, слишком удобная, чтобы казаться уютной. Алекс быстро понял, что это не общежитие и не гостиница. Это были капсулы для функционального пребывания. Личное пространство в минимально допустимом объёме.

Дверь в его модуль открылась бесшумно.

Комната была маленькой, но не тесной. Узкая кровать, встроенный шкаф, гладкий стол, санитарный блок за матовой перегородкой и главный элемент — рабочая станция у дальней стены. Не компьютер в привычном смысле, а что-то среднее между креслом, консолью и медицинским тер-

миналом. Полулежачая платформа с регулируемой спинкой. Дуги сенсорных креплений над подголовником. Тёмная поверхность основного экрана, в глубине которого едва заметно пульсировал свет. На боковой панели — интерфейс подключения, тонкие линии индикаторов и круглый модуль активации.

Нейростанция.

Именно так было написано на загруженной схеме при входе.

— Ну вот, — сказал Эдгар из соседнего дверного проёма. — А я надеялся хотя бы на драматичное название. Что-нибудь вроде «портал», «саркофаг» или «гроб нового поколения».

— «Нейростанция» тоже звучит достаточно тревожно.

Эдгар заглянул в комнату Алекса, потом махнул рукой в сторону своей.

— Мы соседи.

— Похоже на то.

Несколько секунд они просто стояли, разглядывая свои почти одинаковые модули, и в этой нелепой паузе вдруг проступило то, о чём никто до этого не говорил вслух: дальше каждый из них должен был сделать это сам.

Не приехать.

Не пройти контроль.

Не дожидаться распределения.

А действительно войти.

Эдгар опёрся плечом о косяк.

— Странно.

— Что именно?

— Всё. Мы ещё утром были обычными людьми с документами и сумками. Теперь у нас в голове чип, в комнате машина для подключения к другому миру, и это всё подаётся как нормальный следующий шаг.

Алекс усмехнулся.

— Когда ты так формулируешь, звучит хуже.

— Я стараюсь.

Он выпрямился, и на этот раз в его лице почти не было привычной иронии.

— Ладно. Если там всё не развалится при первом входе...

— Увидимся.

Эдгар кивнул.

Потом, уже отходя к своей двери, обернулся и сказал:

— Увидимся в новом мире.

Алекс посмотрел ему вслед, дождался, пока закроется соседняя дверь, и остался один.

Тишина сразу стала плотнее.

Он медленно подошёл к нейростанции. На экране вспыхнула строка приветствия, затем мягкий женский голос произнёс:

— Подтверждён пользователь стартового потока. Первая синхронизация доступна. Рекомендованное положение: полулёжа. Закрепите сенсорные фиксаторы и активируйте под-

ключение.

Алекс сел в кресло.

Материал под спиной оказался тёплым, словно устройство заранее подстраивалось под температуру тела. Он закрепит тонкие контакты на висках, коснулся панели на подлокотнике и на секунду замер, прислушиваясь к себе.

Сердце билось быстрее обычного.

Не от страха.

Скорее от того детского, давно почти забытого чувства, когда ты стоишь на пороге чего-то огромного и понимаешь: через мгновение мир станет больше, чем был всю твою жизнь.

Он нажал активацию.

Сначала ничего не произошло.

Потом свет в комнате словно стал чуть глубже. Не ярче и не тусклее — именно глубже, как будто привычное пространство внезапно обрело ещё одно измерение. В висках возникло лёгкое давление. Где-то в основании шеи прошла короткая волна тепла. Экран перед ним исчез, но не погас — просто перестал быть предметом. Границы комнаты дрогнули.

А затем исчезло ощущение собственного веса.

Это не было похоже ни на сон, ни на потерю сознания.

Скорее на то, как если бы реальность осторожно вынули из-под него, а вместо неё подставили другую — идеально совпадающую по форме в первые доли секунды, чтобы пере-

ход не казался разрывом. Алекс чувствовал, как растворяется поверхность кресла, как гаснет прохлада воздуха на коже, как звук собственного дыхания становится странно далёким и одновременно слишком отчётливым.

Была вспышка.

Не световая, а сенсорная.

Сразу все ощущения на пределе: холод, тепло, давление, пустота, звон, ускорение, падение, ветер — и всё это длилось так мало, что мозг не успел разделить одно от другого.

Потом мир собрался заново.

Алекс резко вдохнул.

Под ногами была земля.

Настоящая на ощупь, упругая, чуть влажная. Воздух пах травой, древесной корой, дымом и чем-то металлическим, почти как после грозы. Где-то рядом кричали птицы. Вдалеке слышался плеск воды. Солнечный свет падал на лицо не как графический эффект, а как живое тепло, от которого хотелось щуриться.

Он стоял посреди открытого пространства, похожего на круглую каменную площадку за пределами небольшого поселения. Над головой медленно вращались полупрозрачные кольца света — остаточный эффект зоны входа. Вокруг одно за другим появлялись новые игроки, материализуясь в мягких вспышках.

Перед глазами вспыхнуло системное окно.

Добро пожаловать в Эйдос. Текущая локация: де-

ревня Вейр.

Первичная синхронизация завершена.

Сенсорное соответствие: 97%.

Моторная адаптация: активна.

Профиль не выбран.

Выберите стартовый класс.

Перед ним развернулся полупрозрачный список. Значки, названия, краткие описания. Мечник. Стрелок. Маг-каналлист. Страж. Алхимик. Теневик. Копейщик. Инженер рун. И ещё несколько редких ветвей, пока недоступных для старта.

Алекс почти не колебался.

С детства, ещё в тех играх, которые не обещали полного присутствия, он всегда тянулся к фронтовым классам. Туда, где решение принимается вблизи, где нет дистанции между опасностью и тобой, где всё зависит от скорости, реакции и того странного удовольствия — идти первым.

Он коснулся строки:

Мечник.

Подтвердить выбор?

Да.

На мгновение воздух перед ним исказился, и по телу прошла тёплая волна. Не боль, не удар — скорее тонкая перестройка, как если бы мышцы и координация получили новую, ещё непривычную логику. Пальцы сами чуть сжались, словно проверяя баланс воображаемого оружия. Центр тяжести ощущался иначе. Устойчивее. Собранный.

Новое окно развернулось сразу следом.

Стартовый класс выбран: Мечник.

**Ваш стиль игры, решения и поведенческие модели
будут анализироваться в реальном времени.**

Система адаптации навыков активна.

**По мере формирования вашего игрового профиля
вам будут доступны индивидуальные модификации,
уникальные техники и редкие способности, соответ-
ствующие вашему пути.**

Желаем удачи.

Окно исчезло.

**Алекс поднял голову и впервые по-настоящему оглядел
мир вокруг.**

**Это не был просто фэнтези-мир и не была стилизация под
старину. Всё выглядело так, будто средневековую архитекту-
ру когда-то не вытеснил технический прогресс, а он вырос
внутри неё, переплёлсся с ней и сделал её странно органич-
ной. За каменной стеной ближайшей деревни поднимались
башни с медными флюгерами и прозрачными энерголиния-
ми, бегущими между крышами. Над воротами висели не фо-
нари, а кристаллические капсулы в железной оправе, светив-
шиеся ровным голубым светом. У кузницы дальше по скло-
ну можно было разглядеть не просто горн, а систему руниче-
ских колец, усиливавших пламя. Люди в плащах и кожаных
доспехах проходили мимо в сопровождении дроноподобных
сферических фамильяров. Где-то вдали, над лесом, медлен-**

но двигалась платформа на магической тяге — не повозка и не поезд, а что-то промежуточное.

Фэнтези здесь не отрицало технологичность.

Технологичность здесь не уничтожала сказочность.

Мир выглядел цельным.

И от этого почти пугающе настоящим.

— Алекс!

Он обернулся.

Через толпу к нему уже пробирался Эдгар — живой, растерянный и при этом с выражением такого восторженного шока, будто его внутренний скептик только что получил тяжёлую травму.

— Ты это чувствуешь? — выпалил он, ещё не дойдя. — В смысле, *чувствуешь*? Я когда появился, первым делом наклонился и потрогал землю. Потом дерево. Потом себя. Потом ещё раз дерево. Это ненормально.

— Полностью согласен, — сказал Алекс. — Но да, чувствую.

Эдгар остановился рядом и шумно выдохнул.

— Это же... я не знаю. Это не графика. Это не интерфейс. Это... это как будто нас реально выдернули куда-то ещё.

— Спасибо, что озвучил мою самую удобную версию происходящего.

— Пожалуйста. Кстати, я стрелок.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что ты из тех людей, которым нравится наносить урон на безопасном расстоянии и комментировать происходящее.

— Неправда, — оскорбился Эдгар. — Я делаю это с эстетической дистанции.

Из толпы чуть дальше замахала Лея.

— Эй! Сюда!

Рядом с ней уже стояли Кир, Мира и Том. Похоже, зона нулевой авторизации собрала почти весь их поток в одном месте, и вокруг действительно царила управляемая неразбериха. Новички появлялись десятками. Кто-то сразу открывал интерфейс. Кто-то кричал от восторга. Кто-то, наоборот, стоял неподвижно, будто боялся сделать первый шаг. Кто-то проверял боль, щипая себя за руку. Несколько человек уже бежали в сторону деревни, очевидно, решив не терять ни секунды.

Когда Алекс и Эдгар подошли, Лея скрестила руки на груди и сказала:

— Если кто-то из вас сейчас скажет, что это «довольно реалистично», я лично столкну его в ближайшую канаву.

— Это безумно реалистично, — немедленно ответил Эдгар.

— Я знала, что ты бесполезен.

Но даже она улыбалась.

И улыбка эта была такой редкой и настоящей, что Алекс на секунду просто смотрел на неё молча.

Том выглядел ошеломлённым сильнее всех. Он то и дело переводил взгляд с неба на дома, на людей, на собственные руки.

— Я... — начал он и запнулся. — Я слышу ветер.

— Да, Том, — сказала Лея. — В продвинутой симуляции иногда бывает ветер.

— Нет, я серьёзно. Я *слышу*, как он идёт через траву.

Мира медленно кивнула.

— И запахи здесь тоже разделяются по слоям. Дым, сырость, дерево, ткань. Очень высокая детализация.

Кир оглядывал окрестности уже совсем другим взглядом — не восторженным, а практическим.

— Сейчас сюда зайдут тысячи людей. Может, больше. Если стартовые задания ограничены, их разберут в первые минуты.

— Поддерживаю, — сказал Алекс. — Сначала быстро решим, кто кем играет, потом идём в деревню.

— Я за, — кивнул Эдгар. — Иначе останемся в истории как группа, которая первой в новом мире организовано стояла и восхищалась текстурой травы.

— Ладно, — сказала Лея. — По очереди. Я теневик.

— Идеально, — заметил Эдгар. — Наконец мир официально признал твою склонность появляться с сарказмом в самых неудобных местах.

— А ты стрелок, значит, всё честно.

Мира спокойно сказала:

— Алхимик.

Эдгар моргнул.

— Неожиданно.

— Почему?

— Не знаю. Я думал, ты возьмёшь что-нибудь вроде мага.

— Алхимия ближе к контролю, анализу и адаптивности,

— ответила она. — И, судя по описанию веток, даёт хороший потенциал для редких специализаций.

— Конечно, ты выбрала класс как научную стратегию.

— А ты выбрал как человек, которому хотелось красиво уклоняться от ответственности на расстоянии.

Лея коротко рассмеялась.

Кир сказал:

— Страж.

Алекс кивнул.

— Тоже логично.

— Мне нужен был класс, который держит фронт и выживает дольше остальных.

— Невероятно, — сказал Эдгар. — Человек с лицом профессионального недоверия выбрал роль живого щита.

Том поднял руку, будто всё ещё находился на уроке.

— Я... выбрал мага-каналиста.

Все на секунду повернулись к нему.

— Правда? — спросил Алекс.

Том неуверенно пожал плечами.

— Ну... да. Там было написано про высокий потенциал

контроля и масштабируемые боевые схемы. И... я подумал, что, может быть, если уж я здесь, то лучше хотя бы попробовать что-то сильное.

Лея одобрительно кивнула.

— Том, если ты через неделю начнёшь испепелять людей молниями, я первая признаю, что недооценивала тебя.

Он смущённо улыбнулся.

— Спасибо. Наверное.

— Алекс — мечник, — добавил Эдгар. — Разумеется.

— Что значит «разумеется»? — спросил Алекс.

— То и значит. Ты выглядишь как человек, который в любой непонятной ситуации идёт первым.

На это Алекс не нашёл, что возразить.

Вокруг становилось всё шумнее. Игроки продолжали появляться. У края площадки уже возникла давка возле информационного столба, где, судя по всему, вывешивались стартовые маршруты и первые задания. Несколько особо быстрых групп без разговоров сорвались к деревне.

Кир посмотрел в ту сторону и коротко сказал:

— Всё. Пора.

— Согласна, — кивнула Мира. — Если механика старта завязана на локальные квесты, задержка нам невыгодна.

— Обожаю, когда ты говоришь как аналитический модуль, — сказал Эдгар.

— А я нет, — ответила Мира. — Идём.

Они двинулись вместе по каменной дороге к ближайшей

деревне.

Солнце грело лицо. По обочинам росла высокая трава, в которой шевелились мелкие светящиеся существа, похожие на помесь насекомых и искр. Из деревни доносился гул голо-сов, лай собак, стук инструментов и звон металла. Над вход-ными воротами вращался кристалл с гербом поселения. Где-то в небе, за облаками, проплывала тень огромного существа — то ли дракона, то ли летающего механического зверя.

Алекс шёл впереди и чувствовал, как внутри поднимается то самое острое, ясное чувство начала.

Не учебного.

Не условного.

Настоящего.

Они только что вошли в мир, где всё ещё было возможно, где у каждого только формировалась роль, где система обе-щала подстроиться под их выборы, а значит, никто до конца не знал, кем станет через несколько дней, недель, месяцев.

Именно это захватывало сильнее всего.

Не просто новая игра.

Новый шанс стать кем-то больше, чем тебе отводилось снаружи.

У самых ворот Эдгар посмотрел по сторонам и негромко сказал:

— Ну что, господа первопроходцы. У нас буквально несколько минут до того, как этот мир начнут разбирать на маршруты, билды и таблицы эффективности.

Лея фыркнула.

— Тогда предлагаю успеть пожить в нём хотя бы до появления первых зануд.

— Поддерживаю, — сказал Алекс.

Кир уже смотрел на доску объявлений у центральной площади.

— Поздно. Вон наш первый квест.

И все шестеро одновременно ускорили шаг.

Глава 5

Деревня встретила их не уютом, а шумом.

Когда они вошли через арку ворот, стало ясно, что нулевая точка была только преддверием. Здесь уже были десятки, если не сотни игроков. Новопогружённые растекались по центральной улице, забивали площадь у доски объявлений, толпились у торговых лавок и с почти жадным интересом осматривали всё, что попадалось им на пути. Одни восторженно смеялись, проверяя, насколько натурально ощущается еда, ткань, вода в бочках. Другие уже пытались торговаться с ремесленниками, будто прожили в этом мире не десять минут, а десять лет. Третьи без стеснения вели себя так, как люди ведут себя там, где уверены, что за последствия не придётся платить по-настоящему.

Средневековые дома с каменными нижними этажами и деревянными надстройками тянулись вдоль мощёной улицы. Над дверями лавок висели кристаллические вывески с руническим свечением. Между крышами шли тонкие нити энергетических каналов, изредка вспыхивавшие голубыми импульсами. По площади сновали местные — крестьяне, подмастерья, странствующие торговцы, стража в ламеллярных доспехах с медными вставками. Всё дышало жизнью.

И одновременно начинало задыхаться от нашествия игроков.

— Быстрее к доске, — сказал Кир, сразу вычленив главное. — Через пять минут тут нечего будет брать.

Но Алекс уже почти не слышал его.

Чуть впереди, возле колодца у боковой улицы, собралась небольшая толпа. Не та, что формируется вокруг квестода-теля или торговца. Другая. Плотная, липкая, с тем особым оттенком любопытства, которое возникает у людей при виде чужого унижения.

Сначала он уловил только смех.

Потом — женский голос. Сломанный, напряжённый.

Потом увидел.

Двое игроков зажали у каменной стены двух местных де-вушек. Обе были совсем юные — одна со светлой косой, дру-гая темноволосая.

Он увидел, как одна из них пыталась отстраниться, вжи-маясь в грубый камень, а второй игрок, ухмыляясь, перего-родил ей путь рукой.

— Да ладно вам, — лениво протянул один из них, высо-кий, в стартовой броне копейщика. — Чего вы такие пугли-вые? Нам просто интересно, как у вас тут всё устроено.

Его приятель, коренастый, с классом бойца ближнего боя, хмыкнул:

— Мир такой реалистичный. Надо же проверить, насколь-ко далеко реализм заходит.

Он наклонился ближе к темноволосой девушке и понизил голос, но не настолько, чтобы его не слышали стоящие ря-

дом:

— Такие красивые. Грех не воспользоваться, пока можно.

Вокруг кто-то нервно усмехнулся.

Кто-то отвёл взгляд и пошёл дальше.

Кто-то остался смотреть.

Никто не вмешался.

Алекс почувствовал, как ладонь сама собой сжимается в кулак.

— Нет, — коротко сказал он.

И шагнул вперёд.

Эдгар мгновенно схватил его за локоть.

— Не лезь.

Алекс даже не обернулся.

— Отпусти.

— Алекс, серьёзно. Сейчас не время. Это игра. Здесь все только вошли, все дёрганные, все тестируют границы. Сейчас вяжешься — потеряешь старт.

Кир тоже остановился рядом.

— Он прав. Нам нужны квесты, опыт, снаряжение. Эти идиоты либо сами нарвутся на стражу, либо им быстро наскучит.

— Если стража вообще реагирует на игроков, — сухо сказала Лея. — А если нет, ты просто сольёшь время и, возможно, получишь штраф.

Мира посмотрела туда, у колодца, потом снова на Алекса.

— Это выглядит отвратительно. Но да, рационально сей-

час не вмешиваться.

Том заметно нервничал, но тоже не сдвинулся с места.

— Может... может, просто позвать кого-нибудь из местных? Или стражу?

Алекс медленно повернулся к ним.

На секунду все замолчали, потому что выражение его лица стало другим — не злым даже, а слишком ясным.

— Знаете, что отличает реальность от иллюзии? — тихо сказал он.

Никто не ответил.

Он продолжил, глядя то на друзей, то на толпу у стены:

— Не материал. Не код. Не происхождение мира. Только одно: есть ли здесь боль, страх и чувство беспомощности. Если они есть — для того, кто это испытывает, всё реально.

Он перевёл взгляд на девушек.

У светловолосой дрожали губы. У темноволосой по щекам текли слёзы, и она даже не пыталась их скрыть, будто уже поняла, что стыдиться здесь ей нечего — всё худшее происходит на глазах у тех, кто решил, что это не их дело.

— По нашим меркам они могут быть не живыми, — сказал Алекс. — Но они боятся по-настоящему. А значит, разницы для них нет.

Эдгар выдохнул сквозь зубы.

— Ты сейчас красиво скажешь, потом нас красиво размажут, и система красиво снимет характеристики. Очень глупый план.

— Тогда не ходи.

И Алекс пошёл.

Несколько секунд никто из их группы не двигался.

Потом Лея первой отвела взгляд.

— Нет. Извини. Я в это не влезаю.

— Я тоже, — сказал Кир. — Это бессмысленно.

Мира помедлила, но потом тихо добавила:

— Нам нужно закрепиться в мире. Иначе мы проиграем ещё до старта.

Том явно чувствовал себя виновато, но всё же шагнул назад, а не вперёд.

Эдгар выругался себе под нос, посмотрел вслед остальным, потом на Алекса — и с явным раздражением двинулся за ним.

— Ненавижу тебя, — сказал он вполголоса. — Особенно когда ты начинаешь быть принципиальным в неудобные моменты.

Алекс ничего не ответил.

Они подошли к толпе у колодца.

Один из игроков, заметив их, осклабился:

— О, а вот и добровольцы на роль совести мира.

Высокий копейщик даже не обернулся к девушкам, продолжая держать одну из них у стены локтем.

— Идите своей дорогой, парни. Мы никого не убиваем.

Алекс остановился в нескольких шагах от них.

— Отойдите от них.

Коренастый рассмеялся.

— Слушай, рыжий герой, ты, кажется, не понял. Это не город в реале. Это набор скриптов. Куклы. Декорации с лицами. Мы просто тестируем пределы.

— Тогда тест окончен, — сказал Алекс. — Отойдите.

Теперь обернулись уже оба.

В их взглядах не было ни стыда, ни сомнения — только раздражение людей, которым мешают делать то, что они заранее решили считать безобидным развлечением.

— А если нет? — спросил копейщик.

— Тогда я вас остановлю.

На секунду повисла тишина.

Потом кто-то в толпе хохотнул.

— Серьёзно? В стартовом шмоте? Их двое, а нас тут пятеро.

Только теперь Алекс заметил ещё троих. Они стояли чуть поодаль, не трогали девушек сами, но явно были с теми двумя — наблюдали, подначивали, ждали, чем всё кончится.

Эдгар встал рядом, уже без всякой бравады, только с очень мрачным лицом.

— Для протокола, — произнёс он, — я считаю это чудовищной идеей.

— Принято, — сказал Алекс.

Копейщик медленно выпрямился.

— Последний шанс уйти.

— У вас был последний шанс, — ответил Алекс.

Дальше всё произошло быстро и очень некрасиво.

Алекс ударил первым.

Не из расчёта, не из техники — просто с той прямой, резкой силой, которая рождается из предела терпения. Кулак врезался копейщику в челюсть, тот пошатнулся и отступил на полшага. Девушки вскрикнули и прижались к стене.

Но на этом преимущество закончилось.

Сбоку в Алекса тут же влетел второй игрок. Удар пришёлся в рёбра так тяжело, что воздух вылетел из груди. Мир качнулся. Он едва устоял, успев перехватить следующий замах. Кто-то сзади толкнул его в плечо, и сразу стало ясно: их действительно больше, и никакой романтики в этом не будет.

Эдгар вступил через секунду, коротко и зло.

Он подсёк одного из противников, врезал другому локтем в висок, даже ухитрился на мгновение прорваться к Алексу, но численность делала своё дело. Уровни у всех были нулевые, оружия почти ни у кого не было, и драка быстро превратилась в сумбурную, тяжёлую, уличную свалку из ударов, пыли, сбитого дыхания и боли, которая оказалась чересчур настоящей.

Алекс почувствовал вкус крови во рту.

Потом — удар в живот.

Потом чей-то ботинок в колено, и он рухнул на одно колено, едва не коснувшись рукой мостовой.

Перед глазами вспыхнули системные искажения.

В ушах загудело.

Он всё равно попытался подняться, но копейщик толкнул его обратно и, тяжело дыша, сплюнул рядом.

— Псих.

Эдгар лежал в нескольких шагах, прижимая ладонь к боку и яростно пытаясь встать. Ему тут же врезали по плечу, и он снова упал.

Один из нападавших нервно рассмеялся.

— Вот уроды. Всю веселуху обломали.

— Пошли отсюда, — сказал другой. — Пока система не решила, что это тоже сюжет.

Копейщик бросил последний взгляд на девушек, потом на Алекса.

— В следующий раз проходи мимо, герой.

И они ушли, расталкивая толпу.

Толпа начала расходиться почти сразу.

Как это обычно бывает: когда зрелище заканчивается, свидетели внезапно вспоминают о своих делах.

Алекс медленно поднялся на руки, потом сел, пытаясь отдышаться. Боль была невыносимо убедительной. Лицо жгло. Рёбра отзывались каждым вдохом.

Перед глазами вспыхнуло системное окно.

Первая схватка завершена.

Результат: поражение.

Оценка боевой эффективности: низкая.

Выявлен импульсивный вход в конфликт без расчёта сил.

Штраф адаптации: обучаемость к физическому развитию снижена на 50% до компенсации провала.

Рекомендуется анализ ошибок.

У Алекса на секунду потемнело в глазах — уже не от ударов, а от этого холодного, сухого текста.

Рядом раздался сдавленный, неверящий стон.

— Нет. Нет-нет-нет, только не это.

Он повернул голову.

Эдгар уже стоял на коленях и смотрел на собственное системное уведомление с таким выражением, будто хотел физически разорвать воздух перед собой.

— У тебя тоже? — хрипло спросил Алекс.

Эдгар медленно поднял взгляд.

В нём не было привычного юмора.

Только злость. Настоящая, острая, не прикрытая ничем.

— Да, у меня тоже, — сказал он. — Минус пятьдесят процентов к обучаемости физическому развитию. Из-за этой идиотской, бессмысленной драки.

Он поднялся на ноги, морщась от боли.

— Доволен?

Алекс молчал.

— Нет, серьёзно, доволен? Спас нарисованных девчонок? Герой нашёлся?

— Эдгар...

— Что Эдгар? — резко оборвал тот. — У нас тут, на секунду, не картонные ставки. Если система режет развитие

здесь, это бьёт по нам снаружи. По нашему времени. По нашему старту. По нашей реальной жизни.

Он зло ткнул пальцем в сторону, куда ушли нападавшие.

— Те сволочи сейчас пойдут дальше, найдут квест, возьмут опыт, качнутся, а мы будем разгребать штраф за твоё благородство.

Слова ударили почти не слабее, чем чужие кулаки.

Алекс поднялся медленно, чувствуя, как тянет каждый ушиб.

— Я не мог пройти мимо.

— А я мог, — сказал Эдгар. — И должен был.

Он отступил на шаг, всё ещё тяжело дыша.

— Знаешь, что самое мерзкое? Я ведь пошёл за тобой. Хотя понимал, чем это кончится.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом Эдгар коротко, безнадёжно усмехнулся — так, словно сам себе был противен.

— Поздравляю. Теперь ты принципиальный, а я ещё и наказанный за компанию.

Он развернулся и пошёл прочь.

На этот раз Алекс его не остановил.

Когда шаги Эдгара растворились в шуме улицы, стало вдруг очень тихо.

Он остался один.

Только тогда Алекс вспомнил о девушках.

Обе всё ещё были здесь. Не убежали. Не растворились. Не

перешли в бездушный режим ожидания, как полагалось бы «декорациям». Они стояли в нескольких шагах, прижимаясь друг к другу, и внимательно смотрели на него.

Теперь уже без паники.

Скорее с осторожным недоверием.

Алекс выпрямился и заставил себя сделать вдох поглубже.

— Простите, — сказал он.

Голос у него звучал хрипло.

— За них. За тех ублюдков. И... за то, что мои друзья прошли мимо.

Светловолосая девушка моргнула, будто не сразу поняла сказанное.

Темноволосая опустила взгляд, потом снова посмотрела ему в лицо.

— Ты просишь прощения за других? — тихо спросила она.

— Да.

— Зачем?

Этот вопрос прозвучал без насмешки. Искренне.

Алекс нахмурился.

— Потому что они вели себя как скоты.

Девушки переглянулись.

Потом светловолосая, та самая, что плакала у стены, очень осторожно произнесла:

— Игроки обычно не просят прощения.

— Обычно? — переспросил Алекс.

Темноволосая кивнула.

— Мы знаем, что игроки могут делать с нами что хотят.
Алекс замер.

— Что значит — знаете?

Она ответила почти спокойно, но от этой спокойности по-
чему-то стало хуже.

— Это прописано в нашем коде.

Несколько секунд он просто смотрел на них.

Ветер тронул край светлой косы. Где-то рядом кто-то сме-
ялся у лавки. На площади продолжалась обычная суета стар-
товой деревни, будто здесь только что не произошло ничего
значимого.

Алекс чувствовал, как внутри поднимается холодное, вяз-
кое недоумение.

— В коде... прописано, что с вами могут делать что угод-
но?

Светловолосая чуть опустила голову.

— Не совсем так. Нам велено терпеть поведение игроков
в пределах сценарной устойчивости. Мы должны сохранять
лояльность, избегать эскалации и не вредить ходу их адап-
тации.

— То есть вас сделали беззащитными, — тихо сказал
Алекс.

Они не ответили.

И это молчание было ответом.

Он смотрел на них с такой тяжёлой, бессильной грустью,

что самому стало трудно выдерживать собственный взгляд.

Если это был код, то кто-то написал страх.

Если это был алгоритм, то кто-то намеренно создал способность плакать, дрожать и просить не трогать.

Если это была иллюзия, то слишком уж старательно похожая на унижение.

Темноволосая девушка подошла ближе.

Алекс подумал, что она хочет ещё что-то сказать, но она вдруг просто обняла его.

Очень легко. Почти невесомо.

И в то же мгновение, чуть склонившись к его уху, прошептала так тихо, что слова почти потерялись в общем гуле улицы:

— Не дай им узнать, кто ты такой.

Алекс застыл.

Её голос стал ещё тише:

— И не всматривайся слишком долго в то, от чего другие отводят взгляд. Иначе заплатишь слишком дорого.

И сразу после этого она отстранилась.

Так резко, будто ничего не было.

Её лицо снова стало спокойным, почти непроницаемым. Она взяла подругу за руку, и обе, не сказав больше ни слова, пошли прочь по боковой улице между домами.

Алекс смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом.

Потом медленно выдохнул.

Внутри всё перемешалось: боль от драки, злость на тех игроков, горечь от слов Эдгара, странная тяжесть после разговора с девушками и особенно — после этой фразы.

Не дай им узнать, какой ты.

Такой — это какой?

И почему она сказала это так, словно знала о нём что-то, чего он сам ещё не знал?

Не всматривайся слишком долго в то, от чего другие отводят взгляд.

Это уже звучало не как совет, а как предупреждение. Будто она говорила не о любопытстве, а о чём-то гораздо более опасном. О вещах, на которые здесь не смотрят не потому, что не хотят, а потому, что боятся увидеть.

Иначе заплатишь слишком дорого.

Чем заплатишь? Болью? Правдой? Собой?

И почему у него было странное чувство, что она не пыталась его напугать — она пыталась уберечь?

Он пошёл искать своих.

Деревня теперь казалась другой.

Той же самой внешне — с запахом дыма, хлеба, металла, мокрого дерева и перегретых магических кристаллов, со звонкими голосами торговцев, с криками детей у узкого канала между домами, с мягким гулом энергетических линий над улицей, — но другой по смыслу. За красивой оболочкой вдруг проступило что-то гораздо более сложное и неприятное. Мир уже не выглядел просто декорацией для приклю-

чения. Он стал местом, где под слоем правил прятались вещи, о которых разработчики явно не собирались рассказывать на входе.

Своих Алекс нашёл в таверне на центральной площади.

Это было двухэтажное здание из тёмного дерева и серого камня, с вывеской в виде латунной кружки, внутри которой плавал живой огонёк. Из приоткрытых дверей лился тёплый медовый свет, доносился гул голосов, звон посуды, запах жареного мяса, пряностей и чего-то крепкого, терпкого, похожего на настойку на травах.

Когда Алекс вошёл, шум окутал его сразу.

Внутри былолюдно. За длинными столами сидели игроки и местные вперемешку. Кто-то уже спорил о классах и ветках развития, кто-то пытался выпрашивать у трактирщика скрытые маршруты, кто-то жадно ел, будто действительно успел проголодаться в цифровом мире. Под потолком медленно вращались рунические кольца, разгоняя тёплый воздух. В углу на небольшом помосте трое музыкантов играли на струнных инструментах, но мелодия временами сбивалась, будто подстраивалась под шум зала.

Его группа сидела у дальнего стола.

Даже Эдгар уже был там.

Алекс поймал его взгляд, но тот сразу отвёл глаза и сделал вид, что полностью сосредоточен на деревянной кружке в руке.

Хозяин таверны стоял рядом.

Он был крупным мужчиной лет пятидесяти на вид, с густой седой бородой, коротко подстриженной, тяжёлыми руками человека, много лет таскавшего бочки и разделывавшего мясо, и внимательными, слишком живыми для простого NPC глазами. На нём был тёмный кожаный фартук поверх рубахи, а на запястье поблёскивал медный браслет с выгравированными рунами.

Когда Алекс подошёл, хозяин закончил фразу:

— ...если вы и вправду желаете заработать первый честный хлеб в наших краях, начните с того, что очистите западные перелески.

Кир первым заметил Алекса.

— Садись. Мы уже взяли задание.

Алекс опустился на скамью. Болезненно, медленно.

Хозяин таверны смерил его взглядом, явно отметив следы драки, но ничего не сказал. Только поставил перед ним глиняную кружку с водой.

— В западных перелесках, — продолжил он, обводя их всех взглядом, — в последние дни расплодилось шипоспины. Мерзкие твари. Небольшие, стайные, трусливые поодиночке и опасные числом. Нападают из кустов, рвут поклажу, калечат скот, а если почуют слабость — могут и человека загрызть.

Перед глазами Алекса вспыхнуло квестовое окно.

Первое поручение: Тени у западной опушки

Категория: групповое стартовое задание

Локация: западные перелески за мельничным ручьём

Цель: уничтожить 12 шипоспинов и найти источник их аномальной агрессии

Дополнительные условия: — защитить местных охотников, если встретите их в лесу — вернуть таверщику знак сторожевой заставы, если обнаружите его у гнезда тварей — избегать ночного смещения маршрутов

Награда: — базовый опыт — стартовая репутация в деревне Вейр — доступ к следующей цепочке локальных заданий — предмет случайного качества.

Хозяин таверны, будто читая их реакции, добавил:

— Обычно шипоспины держатся глубже в зарослях и к селению не лезут. Но теперь ведут себя так, словно их кто-то гонит или манит. Лес возле ручья стал беспокойным. Птицы не садятся на ветви, охотничьи собаки воют на пустое место, а два дня назад пропал дозорный со сторожевой меткой. Если найдёте его след — не вздумайте геройствовать в одиночку.

Таверна на миг будто отдалилась от Алекса. Слова «не вздумайте геройствовать в одиночку» прозвучали почти издевательски после всего, что уже случилось за этот час.

Лея наклонилась над интерфейсом и тихо присвистнула.

— Неплохо для стартового квеста. Тут даже не просто «убей двенадцать крыс».

— Есть вторая цель, — заметила Мира. — И нам прямо подсказывают, что проблема не в самих монстрах, а в причине их поведения.

— То есть будет цепочка, — сказал Кир. — Хорошо. Значит, если сделаем быстро и чисто, быстро повысим уровень.. Том выглядел уже заметно оживлённым.

— А шипоспины — это что вообще? Волки? Кабаны?

— Похоже, что-то среднее между крысой, дикобразом и очень плохим решением природы, — сказал Эдгар, впервые подавая голос с момента драки.

Хозяин таверны криво усмехнулся.

— Если встретите в сумерках, юноша, уверяю, вам будет не до сравнений.

Перед их глазами вспыхнула иллюзорная схема местности. От деревни тянулась тропа мимо мельничного ручья к полосе густого леса, отмеченной янтарным контуром. На карте мигали три возможные точки появления монстров, заброшенная сторожевая площадка и область, скрытая туманом, как будто система намеренно не раскрывала всю локацию сразу.

Это задание и правда было красиво собрано.

Не просто «выйди и убей». А дорога, опасная зона, следы чьего-то исчезновения, намёк на скрытую причину, возможность встретить других NPC, шанс испортить всё неосторожностью. Для первого выхода — почти идеальная приманка.

Кир посмотрел на всех по очереди.

— Тогда так. Раз уж мы всё равно стартуем вместе, предлагаю создать постоянную группу. Хотя бы на первое время. Сбалансированный состав у нас есть. Страж, мечник, стрелок, теневик, алхимик, маг-каналит. Для старта — отлично.

— Поддерживаю, — сказала Мира. — Вместе мы быстрее адаптируемся и сможем проверять механику взаимодействия классов.

— И делить добычу, — добавила Лея.

— И прикрывать Тома, пока он не взорвёт сам себя первой же арканной перегрузкой, — вставил Эдгар.

Том вспыхнул.

— Я не взорву себя.

— Какая уверенность у человека, который в этом мире существует сорок минут.

На этот раз Алекс всё же чуть усмехнулся.

Напряжение ещё не исчезло, но стало менее острым.

Кир открыл интерфейс группы. Перед каждым вспыхнуло приглашение.

Создать отряд?

Лидер: Кир

Согласие участников: ожидается

Один за другим они подтвердили.

Алекс видел, как над столом на миг возникла полупрозрачная схема их состава: шесть ячеек, соединённых тонкими линиями. Потом линии вспыхнули и исчезли, а в левом углу обзора появилась компактная группа статусов с именами.

ми, полосами здоровья и базовыми иконками ролей.

Отряд создан.

Синхронизация командного режима активна.

Открыты: — общий чат группы — распределение добычи — совместный прогресс локальных задач — базовые тактические маркеры.

— Ну вот, — сказал Эдгар. — Теперь мы официально организованная единица, принимающая сомнительные решения коллективно.

— Некоторые из нас и без группы прекрасно справлялись, — холодно заметил он же, но уже не глядя на Алекса.

Алекс промолчал.

Лея поднялась первой.

— Если закончили драму, предлагаю идти. Пока западную опушку не зачистила толпа таких же энергичных идиотов.

Хозяин таверны кивнул им на прощание.

— Дорога к ручью начинается за мельницей. Не сходите с тропы, пока не почувствуете, что лес слушает вас в ответ. После этого считайте, что вы уже слишком далеко.

— Очень бодряще, — сказал Эдгар.

Они вышли из таверны вместе.

Снаружи день уже клонился к вечеру. Свет стал мягче, золотистее, длинные тени ложились поперёк улицы. Кристаллы под крышами загорались один за другим, и деревня Вейр начинала выглядеть почти сказочно — так, как выглядят безопасные места в мирах, где безопасность всегда времен-

ная.

Они прошли через площадь, мимо кузницы с гудящими руническими мехами, мимо рынка, где торговцы уже прикрывали товар тканью, мимо мельницы у ручья, чьи лопасти вращались не только от воды, но и от слабого голубого свечения в узлах механизма.

За последними домами начиналась тропа.

Узкая, уходящая между высокой травой и кривыми деревьями, за которыми темнел лес.

Где-то впереди, за ручьём и западной опушкой, их ждали первые монстры.

И, возможно, не только они.

Так началась их первая настоящая вылазка в Эйдос. Мир уже успел показать им и восторг, и грязь, и цену импульсивных поступков. Теперь оставалось узнать, насколько он опасен, когда перестаёт притворяться гостеприимным.

Глава 6

Они миновали последние дома Вейра и вышли к тропе, уходящей вдоль мельничного ручья.

Некоторое время шли молча.

Под ногами мягко пружинила земля, в высокой траве стрекотало что-то невидимое, вода справа бежала по камням с тихим, упрямым шумом. Солнце уже опускалось ниже, и свет ложился между стволами длинными косыми полосами. Лес впереди казался спокойным — слишком спокойным, чтобы ему поверить.

Первым молчание не выдержал Эдгар.

Он шёл чуть впереди и слева от Алекса, не глядя на него, будто обращался в пространство:

— Если ещё раз полезешь первым, хотя бы дай мне секунду выбрать, кого бить.

Алекс покосился на него.

На губах сама собой появилась короткая, усталая усмешка.

— Если ещё раз полезу первым, бей меня сначала сам.

Лея, не поднимая взгляда от полупрозрачной карты, фыркнула:

— Отлично. Командное взаимодействие налаживается.

Том, шедший чуть сзади, сжал ремень посоха так, что побелели пальцы.

— Я в следующий раз не заторможу.

Кир, не оборачиваясь, поправил меч на поясе.

— В следующий раз этого “в следующий раз” не будет. Работаем вместе.

Мира чуть склонила голову, глядя то на одного, то на другого.

— Вот теперь это уже похоже на группу, а не на стихийное бедствие.

На этот раз усмехнулись почти все.

Напряжение не исчезло совсем, но изменилось. Оно больше не висело между ними как трещина. Скорее стало частью общего ритма — неприятной, но уже пережитой вещью, которую можно нести дальше без необходимости немедленно разбирать по кускам.

Они шли плотнее, чем раньше, и Алекс постепенно начал замечать, что даже обычное движение по тропе у каждого устроено по-своему.

Кир, например, почти незаметно задавал строй. Он не просто шёл впереди с мечом на поясе — он держал пространство. Выбирал дорогу так, чтобы первым принимать риск, не мешая остальным. Временами чуть замедлялся, давая группе собраться, временами наоборот уводил их левее или правее, если впереди сужалась тропа. И Алекс впервые ясно подумал, что *страж* — это не просто класс “покрепче”. Это тот, кто держит линию, пока остальные успевают сделать своё.

Лея двигалась совсем иначе.

Она вроде бы шла со всеми, но взгляд на ней не задерживался. Только что была здесь, на краю тропы, в полосе света — и вот уже чуть дальше, под тенью дерева, почти растворившись в контрасте света и листвы. Не пряталась нарочно, не делала показательных движений, просто всё её тело существовало так, будто естественным образом выбирало место, где её труднее заметить. *Теневик*, понял Алекс. Не про невидимость, а про угол, про момент, про присутствие там, где на тебя не успевают посмотреть.

Эдгар, несмотря на привычную злость в голосе, шёл легко и внимательно. Его рука то и дело касалась оружия, взгляд перескакивал с кустов на просветы между деревьями, с веток на землю. Стрелок, подумал Алекс, это тоже не просто “тот, кто бьёт издалека”. Это тот, кто видит траекторию ещё до того, как бой начался. Кто выбирает себе поле раньше, чем на него ступает враг.

Мира, наоборот, почти не следила за обзором.

Она наблюдала за самим лесом. За следами на почве, за цветом мха у корней, за влажностью воздуха, за тонкими потёками смолы на старой коре. На поясе у неё висели плоские капсулы, узкие колбы и сложенные в несколько слоёв пластинки с рунами. Алхимик. Не “девушка с баночками”, как могло показаться сначала, а человек, который умеет менять условия схватки ещё до того, как она началась.

Том шёл рядом с ней и всё ещё выглядел самым обыч-

ным из них — слишком живым, слишком открытым лицом, слишком заметно старающимся не зацепить ветку посохом за плечом. Но после таверны и короткой стычки у опушки Алекс уже не мог смотреть на него как раньше.

Когда Том нервничал, вокруг него словно менялся сам воздух. Не резко, не так, чтобы это видел кто угодно, а каким-то внутренним, системным чувством: будто пространство рядом с ним собиралось в более плотный, упругий слой. Алекс не до конца понимал, что именно замечает, но ощущение было ясным. Том не “хранил заклинания” где-то внутри и не вытаскивал их по одному, как предметы из сумки. Он как будто всё время учился открывать канал во что-то внешнее — в общий поток, в магический фон, в ту силу, которой этот мир и сам был пронизан.

Маг-каналист, подумал Алекс. Не создатель. Проводник. Эта мысль почему-то сразу легла на место.

Каналист, значит, сначала чувствует, потом цепляет, потом проводит через себя. И уже только после этого направляет в нужную форму. Поэтому Том каждый раз напрягался целиком, когда собирался что-то сделать. Поэтому его магия выходила не ровной и красивой, а живой, рваной, чуть опасной даже на вид. Не потому что он слабый — потому что пока ещё не научился держать поток достаточно чисто.

И Алекс вдруг яснее понял и себя.

Мечник — не просто человек с клинком. Не самый тяжёлый, как страж, не самый незаметный, как теневик, не самый

дальнобойный, как стрелок. Мечник — это темп. Вход в дистанцию, навязывание обмена, давление, короткое решение. Не стоять и терпеть, а ломать противнику ритм раньше, чем тот успеет навязать свой. Именно поэтому штраф сейчас бил его так сильно. Он резал не силу, не выносливость — он тупил самую суть класса.

Словно в ответ на эту мысль перед глазами Алекса на миг мигнуло системное напоминание:

Снижение моторной адаптации активно.

Текущая эффективность ближнего боя: ограничена. Рекомендуются компенсация через командное построение.

— Очень заботливо с её стороны, — пробормотал он.

— У тебя тоже вылезло? — спросил Эдгар.

— Тоже?

Эдгар скривился и наконец повернул к нему голову.

— А ты думал, система выбрала одного любимчика? Нет. Мне она ту драку тоже не простила. Реакция режется, вход сбоит, перехват вообще как через воду.

Том нахмурился.

— То есть у вас обоих штраф?

— Наконец-то, — сухо сказала Лея. — Осознание снисходит на группу.

— Я понял ещё раньше, — тут же сказал Том.

— Нет, — заметила Мира. — Ты только сейчас произнёс это вслух.

Кир поднял руку, и разговор оборвался.

Все замерли.

Тропа уже давно свернула от ручья и пошла между деревьев, становясь уже, темнее, влажнее. Под ногами была не трава, а мягкая лесная подстилка. Пахло мхом, сырой корой и чем-то ещё — слабым, кислым, почти металлическим.

Перед глазами вспыхнуло новое уведомление:

Вы входите в зону: западные перелески.

Рекомендуемый уровень угрозы: низкий.

Скрытые факторы среды: не определены.

Алекс невольно задержал взгляд на последних словах.

— У кого-нибудь тоже есть “скрытые факторы среды”? — тихо спросил он.

— Есть, — ответила Мира сразу. — И мне это не нравится.

— Мне вообще мало что здесь нравится, — буркнул Эдгар. — Но это особенно.

Лея чуть повернула голову, вслушиваясь.

— Птиц нет.

Теперь слышали все.

Точнее, слышали отсутствие звука.

Ни крика, ни шелеста крыльев, ни обычной мелкой возни в кустах. Только ветер в листьях, далёкий плеск воды и сухое поскрипывание ветвей высоко над головой.

Кир медленно кивнул.

— Строй плотнее. Том — ближе к Мире. Эдгар, обзор

назад и вправо. Лея — левый фланг.

— Уже там, — ответила она.

И действительно, Алекс не уловил момента, когда она сместилась с тропы в тень между стволами.

Мира присела у полосы влажной земли, где корни выходили наружу.

— Следы, — сказала она.

На мягкой почве виднелись отпечатки мелких лап и длинные борозды от когтей. Много. Слишком много, чтобы говорить об одной-двух тварях. Следы пересекались, наслаивались, уходили то в одну сторону, то в другую.

Алекс тоже присел, чувствуя, как неприятно тянет бок.

— От деревни?

— Раньше — возможно, — ответила Лея, не сводя глаз с чащи. — Сейчас нет. Эти шли обратно.

Мира провела ладонью над одним из следов, не касаясь земли.

— Несколько направлений. Идут не строем. Мечутся.

Эдгар нахмурился.

— То есть наших милых стартовых крысопсов кто-то напугал сильнее, чем деревенских жителей — они?

— Похоже, — сказала Мира.

— Прекрасно, — отозвался Том без всякого восторга.

Кир выпрямился.

— Значит, дальше медленнее. Если стая бежит по лесу в панике, я хочу понять почему до того, как это выйдет на нас.

Они двинулись вперёд.

Теперь уже не просто группой, а почти построением. Кир в центре впереди. Алекс немного левее, на удобной для входа дистанции. Эдгар справа и чуть дальше назад, выбирая обзор. Том с Мирой в середине. Лея — где-то на грани видимости.

Чем дальше они уходили в лес, тем сильнее менялось само ощущение пространства. Тишина становилась не естественной, а собранной, как будто её специально натянули между деревьями. Несколько раз Алекс ловил краем глаза слабые системные искры где-то между стволами, но стоило сфокусироваться — и они исчезали.

Потом кусты впереди дрогнули.

Не один раз.

Сразу в трёх местах.

Из зарослей выскочил первый шипоспин — низкий, плотный, с жёсткой тёмной щетиной и костяными иглами вдоль хребта. За ним второй. Слева ещё два. Дальше, глубже между деревьями, мелькнули ещё силуэты.

Алекс успел насчитать шесть сразу, потом понял, что их не меньше восьми.

— Контакт, — коротко бросил Кир, выхватывая меч.

И на этот раз бой не развалился в хаос.

Кир шагнул вперёд и встал так, будто перекрыл собой всю тропу. Не широкий размах, не показная стойка — просто точное положение корпуса и клинка, после которого стано-

вилось ясно: в лоб прохода нет. Шипоспины рванулись было к центру, но уже на подлёте сбились, выбирая, где искать лазейку.

Вот что значит страж, понял Алекс. Не просто держит удар. Он задаёт границу боя.

— На мне фронт, — сказал Кир. — Алекс, левее. Не гоняйся, режь входящих.

— Понял.

— Эдгар — дальние и обходы. Лея — фланг.

— Уже, — донеслось из тени.

Лею он почти не видел.

Только раз — смазанное движение между двумя стволами. И сразу вслед за этим один из шипоспинов, выбежавший слишком далеко в сторону, взвизгнул и дёрнулся, получив удар куда-то под лопатку. Не лобовая атака, не силовой обмен — точный укол из мёртвого угла, после которого тварь потеряла темп и завертелась на месте.

Теневик, подумал Алекс. Не пропадает. Просто появляется там, где его быть не должно.

— Том! — резко сказала Мира.

Тот уже сдёрнул посох со спины.

Теперь Алекс видел яснее, как это работает. Том поставил нижний конец посоха в землю, вцепился в древко обеими руками и будто на миг весь собрался внутрь. Вдоль дерева посоха пробежали тонкие голубые нити света, не возникшие из ниоткуда, а словно втянутые откуда-то снаружи. Воздух

вокруг наворачивая стал плотнее, звонче.

— Есть... — выдохнул Том.

Он повёл посохом вперёд, и перед Киром расплеснулась короткая дуга синих искр. Не отдельный снаряд, а нервный разряд по площади. Два шипоспина, готовившиеся кинуться одновременно, дёрнулись, взвизгнули и отскочили, словно налетели на невидимую стену.

И Алекс наконец понял это по-настоящему.

Маг-каналист не выдумывает заклинание из пустоты. Он открывает проход, цепляет поток среды, пропускает его через себя и задаёт форму. Поэтому у Тома всё пока выходило неровно — и именно поэтому это ощущалось живым и опасным. Ошибись он — и энергия сорвётся не туда.

— Неплохо! — крикнул Алекс.

Том моргнул, явно удивлённый тем, что у него получилось, но отвлекаться было некогда.

Один из шипоспинов всё-таки прорвался слева.

Алекс встретил его без рывка.

Не стал играть в героя, не попытался перекрыть слишком много сразу. Просто шагнул навстречу, дал зверю войти в удобную дистанцию и ударил по диагонали вниз. Клинок срезал часть игл, вошёл в плечо. Тварь закрутилась, и вторым, коротким движением Алекс добил её в шею.

Перед глазами мигнуло уведомление о вкладе, но он едва его заметил.

Справа сухо щёлкнула тетива.

Потом ещё раз.

Эдгар работал именно как стрелок. Не суетился, не лез вперёд, не пытался компенсировать штраф упрямством. Он заранее выбирал тех, кто ищет обход, и ломал им траекторию. Один болт вошёл шипоспину в бедро, второй — в основание шеи другого, и оба зверя потеряли скорость, сбились, подставляясь под добивание.

— Левый у корней! — бросил он.

Алекс даже не посмотрел. Просто доверился.

Из-под низкой ели тут же рванулась ещё одна тварь, и Алекс успел встретить её клинком плашмя, сбив бросок в сторону. Добила шипоспина уже Лея — словно выросла из самой тени ствола, коротко полоснула под брюхо и снова исчезла из прямого взгляда.

— Начинаю уважать кусты, — выдохнул Том.

— Поздно, — отозвалась Лея. — Они тебя уже нет.

Тем временем Мира шагнула на полшага вперёд, не выходя из центра строя, щёлкнула ногтем по узкой капсуле и катнула её под лапы сразу двум зверям. Капсула лопнула с тихим хлопком, растеклась по земле серо-зелёной плёнкой. Шипоспины влетели в неё, поскользнулись, закашлялись, начали яростно мотать головами.

— Не яд, — быстро сказала Мира. — Раздражающий состав. Сбивает слизистые и координацию. На низкоуровневых отлично работает.

— Напомни никогда тебя не злить, — сказал Том.

— Уже поздно, — ответила она спокойно. — Ты слишком громко дышишь.

Ещё один шипоспин попытался проскочить прямо под руку Кира, но страж сработал без суеты: коротким движением меча заставил зверя отшатнуться, развернул корпус, принял вторую тварь на клинок и тут же шагнул вперёд, не давая никому из них пройти в центр.

Алекс заметил это почти с восхищением.

Если мечник ломает противнику темп, то страж ломает саму идею наступления.

Бой длился меньше пяти минут.

Шипоспины были быстрыми, шумными, неприятными, но не слишком умными. Для одиночки или пары новичков такая стая легко могла обернуться паникой. Для шестерых, которые хотя бы начали выполнять свои роли, это уже была решаемая задача.

Когда последний из видимых зверей дёрнулся в кустах и затих, лес снова замолчал.

Том медленно опустил посох, тяжело дыша.

На навершии ещё потрескивали слабые голубые искры.

— Всё?

— Для этой пачки — да, — сказала Лея, вслушиваясь в чашу.

Но никто не двинулся с места сразу.

Они стояли среди тел шипоспинов, обрывков травы, разрезанных веток и ещё не осевшего напряжения — и вдруг

тишина после боя показалась Алексу едва ли не страннее самого боя.

Не потому, что они выжили.

Потому что они сработали.

По-настоящему.

Не как шесть человек, которые несколько часов назад впервые вошли в игру, получили классы и до сих пор толком не понимали, как работают собственные интерфейсы. А как группа, которая знала, куда встать, когда сместиться, кого прикрыть, как добивать, когда не лезть вперёд. Кир без колебаний держал линию. Лея уходила с обзора так, будто делала это годами. Эдгар заранее видел обходы. Том инстинктивно поймал нужный ритм потока. Мира бросала смеси ровно туда, куда нужно. И сам Алекс не рассуждал в момент удара — просто входил в дистанцию так, будто его тело уже давно знало, где заканчивается безопасное расстояние и начинается его работа.

Он медленно выдохнул.

Это было неправильно.

Или, наоборот, слишком правильно.

— Вы это тоже чувствуете? — спросил он.

Эдгар всё ещё держал оружие наготове, но взгляд у него стал хмурым, сосредоточенным.

— Что именно? Что мы только что дрались так, будто у нас за плечами не первый вечер в игре, а лет десять совместных рейдов?

— Не рейдов, — тихо сказал Кир. — Словно это и есть наша нормальная жизнь.

Том моргнул и сжал посох крепче.

— Я вообще не должен был понимать, как это делать. Ну, то есть... ладно, одно дело описание класса. Но сейчас я даже не думал. Просто знал, как держать поток. В какой момент не дожимать. Когда выпускать.

— То же самое, — сказала Мира.

Она смотрела не на них, а на свои пальцы, которыми недавно держала капсулу.

— Я не вспоминала рецептуру. Я не перебирала варианты. Я сразу знала, что именно у меня есть, как это поведёт себя на влажной почве, как подействует на слизистые и координацию низкоуровневых существ.

Лея скосила взгляд в сторону темнеющих деревьев.

— Я не удивлена.

Все посмотрели на неё.

Она пожала плечом.

— С самого входа было ясно, что “Эйдос” не играет в обычную игру. Здесь слишком многое приходит не как справка, а как память тела. Вопрос не в том, почему мы умеем. Вопрос в том, сколько из этого действительно наше.

Повисла короткая пауза.

Даже Эдгар не нашёлся, что сказать сразу.

Алекс машинально посмотрел вниз, на меч в своей руке. Пальцы сидели на рукояти так естественно, будто держали её

не первый час, а всегда. И это ощущение было одновременно удобным и тревожным.

Перед глазами вспыхнули системные строки.

На этот раз не короткая боевая сводка, а разворачивающееся окно с ровным, почти бесстрастным текстом:

Вывод анализа завершён.

Предыдущая неудача не определяет исход следующего боя. Проиграть — не значит сдаться.

Несмотря на ранее зафиксированное поражение, ваша группа одержала победу в командном столкновении. Штраф боевой дезадаптации аннулирован.

Получен опыт. Персональный и групповой прогресс обновлён.

Система скорректировала начальные навыки на основе фактических действий. Обнаружено ускоренное соответствие ролевому профилю.

Уведомление квеста: «Тени у западной опушки» — выполнение: 50%

Текущая задача: Найдите источник аномальной агрессии и завершите первое поручение.

Алекс перечитал сообщение дважды.

Особенно строчку про проиграть и не сдаться.

В ней было слишком много смысла для обычного игрового уведомления и слишком мало эмоций для настоящего утешения. Но сработало всё равно.

Он почувствовал это почти сразу.

То липкое сопротивление в теле, с которым он двигался после драки в таверне, исчезло. Плечи стали легче, шаг — точнее, сама связка между мыслью и движением словно снова встала на место.

— У меня штраф сняли, — сказал он.

— У меня тоже, — отозвался Эдгар почти одновременно.

Том оживился:

— Серьёзно?

— Система решила, что мы достаточно настрадались, — буркнул Эдгар. — Или достаточно полезно подрались.

— Не “решила”, — заметила Мира. — Она проанализировала результат и пересобрала профиль под действия. Это разные вещи.

— Спасибо, теперь звучит ещё спокойнее, — сказал Том. Кир чуть кивнул, принимая это как рабочий факт.

— Хорошо. Значит, дальше идём полным темпом.

Алекс снова вызвал окно квеста. Полоса выполнения действительно стояла на половине.

Пятьдесят процентов.

То есть все эти шипоспины — только следствие. Даже не мини-босс, не кульминация, а симптом.

Он поднял взгляд на чашу.

Свет между деревьями уже стал гуще, темнее, глубже. День почти не исчез, но начал стекать вниз, как вода по камню. Здесь, под кронами, вечер чувствовался раньше, чем должен был. И Алекс только отметил это краем сознания.

Как деталь фона. Как естественную смену времени.

В “Эйдосе” время шло как в обычной жизни.

Не ускорялось ради удобства игроков, не сжималось между квестами, не делало пауз, пока ты копаешься в инвентаре. День просто шёл вперёд. Вечер наступал по-настоящему.

Но сейчас никто об этом не задумался.

Никто не обратил внимание на дополнительные условия первого поручения — избегать ночного смещения маршрутов.

После удачного боя и снятого штрафа это казалось уже не предупреждением, а обычной пометкой.

Глава 7

— Источник близко, — сказала Лея.

Она стояла у края просвета, глядя туда, где кусты росли слишком плотно даже для леса. Алекс подошёл ближе и тоже увидел странность: среди корней и тёмной листвы тянулась узкая полоса примятой земли, как будто десятки небольших тел проходили в одном и том же направлении снова и снова.

— Логово? — спросил Том.

— Нет, — ответила Мира, опускаясь на корточки у края примятой полосы. — Слишком ровно. Идут не жить. Идут возвращаться.

Она коснулась земли кончиками пальцев, потом поднесла руку к лицу и нахмурилась.

— Здесь тот же привкус. Металл, кислота... и что-то вроде озона.

Эдгар оглядел плотные кусты впереди.

— То есть у наших милых лесных ежей где-то там стоит причина, по которой они сходят с ума и бегают кругами.

— Формулировка грубая, — сказала Мира.

— Зато точная, — отозвался он.

Кир первым шагнул к проходу в зарослях.

— Сомкнулись. Без лишнего шума.

Они полезли через кустарник один за другим. Ветки цеплялись за одежду, кололись, цепко скребли по наручам, и

через несколько шагов Алекс понял, почему стая оставила здесь такой вмятый след: путь был неудобным даже для человека, а шипоспины, судя по всему, протаптывали его в панике и снова возвращались.

За кустами лес неожиданно менялся.

Деревья стояли реже, но выглядели хуже — кора местами потрескалась, на нескольких стволах шли тонкие тёмные жилы, будто под древесиной что-то прорастало не туда. Земля под ногами стала суше и жёстче, словно её долго прогревали невидимым жаром. И гул, который прежде ощущался только фоном, теперь уже слышался отчётливо.

Ровный. Низкий. Неприятно устойчивый.

Не как звук зверя или ветра.

Как работающий механизм.

Алекс почувствовал, как напряглись плечи.

— Вот это мне уже совсем не нравится, — пробормотал Том.

— Поздновато, — бросила Лея.

Просвет впереди оказался небольшой круглой низиной, почти скрытой корнями и нависшими ветвями. На первый взгляд там не было ничего особенного — только изрытая земля, несколько вывороченных камней и полусгнивший пенёк в центре.

Но стоило подойти ещё на пару шагов, как стало ясно: пенёк был не пнём.

Из земли под углом выступала тёмная, сплетённая из кор-

ней и серых волокон масса, размером примерно с бочку. Она пульсировала с едва заметным ритмом. Между переплетениями пробегали тусклые бледные искры. Несколько полупрозрачных нитей уходили от неё в почву, теряясь под корнями деревьев, а оттуда — дальше, как сеть. Гул исходил именно от неё.

Вокруг источника лежали кости мелких животных, клочья шерсти, обломки скорлупы и два мёртвых шипоспина, будто их просто вытянуло досуха. От одного из них к пульсирующей массе ещё тянулась втянувшаяся в землю серая нить.

Том остановился так резко, что чуть не врезался в Миру. — Это что вообще такое?

Мира долго смотрела, не отвечая.

— Паразитический узел, — сказала она наконец. — Или очень похоже на него. Искусственно сформированный очаг внедрения в местную фауну.

Эдгар медленно опустил оружие, потом снова поднял.

— Переведи.

— Что-то вросло в участок леса, — сказал Алекс, не отрывая взгляда от пульсирующего кома. — И рассылает эти нити в животных.

— Да, — кивнула Мира. — Провоцирует возбуждение, агрессию, дезориентацию и, вероятно, стягивает их обратно к себе.

— Зачем? — спросил Том.

— Накапливает, — тихо сказала Лея.

Все посмотрели на неё.

Она стояла чуть сбоку, сузив глаза.

— Оно не просто портит их. Оно заставляет стаю носить что-то обратно. Энергию. Материал. Следы. Всё, что может встроить в сеть.

На миг в низине стало очень тихо.

Потом узел дрогнул сильнее.

Из его поверхности словно что-то шевельнулось, и сразу несколько серых нитей под землёй вспыхнули тусклым светом.

Перед глазами Алекса высветилось новое системное окно:

Обнаружен аномальный объект.

Классификация: нестабильный инкубационный узел. Уровень угрозы: выше локальной нормы.

Рекомендация: уничтожить ядро и прервать питающие связи.

— Ну хоть в этот раз без загадок, — сказал Эдгар.

Кир уже вынул меч.

— План простой. Не даём ему развернуться, если умеет. Том — по ядру, но только по команде. Мира, есть что-то против этой дряни?

— Есть шанс сбить внешнюю оболочку, если перегреть реакцию, — быстро ответила она, уже вытаскивая две плоские колбы. — Но близко подходить нельзя. Если нити активируются, они могут попытаться закрепиться.

— Прекрасно, — сказал Том. — Мне уже нравится слово “закрепиться”.

— Лея, — продолжил Кир, — смотри по бокам. Если узел может выпускать что-то живое, ты увидишь первой.

— Уже смотрю.

— Алекс, со мной. Если полезут отростки — рубим сразу. Алекс кивнул.

Странно, но теперь в этом не было ни тени прежней растерянности. Они снова приняли бой так естественно, будто уже делали такое не раз. Как будто мир не подсказывал им роли, а возвращал давно забытые привычки.

Узел вздрогнул ещё раз.

Из почвы по краям низины вдруг выстрелили две серые жилы толщиной с запястье. Не змеи, не щупальца, но двигались они с такой резкой, ломкой скоростью, что сравнение было бесполезно. Одна пошла к Киру, вторая хлестнула вправо.

Кир встретил свою без колебания.

Тяжёлый клинок ударил сверху вниз и рассёк жилу пополам. Изнутри брызнула не кровь, а мутная, светящаяся слизь. Вторая почти достала Тома, но Лея сорвалась с места раньше — Алекс успел увидеть только резкий полушаг, блеск короткого клинка, и жила, изменив траекторию, ударила в землю уже бесполезным обрубком.

— Не стойте кучей! — бросила она.

Мира уже швырнула первую колбу.

Стекло разбилось о бок узла, и по его поверхности пошла едкая оранжевая реакция. Серые волокна зашипели, почернели, гул на миг сбился.

— Сейчас! Внешний слой открыт!

Том вскинул посох.

На этот раз он не суетился. Даже Алекс заметил, что движения у него стали собраннее. Том вдохнул, будто прислушиваясь не к звуку, а к напряжению в самом воздухе. Посох засветился глубже, ярче, по древку пошли уже не отдельные искры, а цельная голубая линия.

Поток.

Он действительно поймал его.

— Держу, — выдохнул Том.

— По ядру! — рявкнул Кир.

Том ударил.

Из наверхия сорвался не размытый разряд, как раньше, а плотный импульс синего света, хлестнувший прямо в растрескавшийся участок узла. Пульсирующая масса дёрнулась. По всей поверхности прошла волна судороги. Гул сорвался на высокий, режущий звон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.